

Р. С. КАЙРОУЗ

♥
Boston
GUARDIANS + ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЛЬДА

#95

Али
+
Михаил

Один бросок ДО ТЕБЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Р. Кайроуз
Один бросок до тебя
Серия «За пределами льда», книга 2

<https://litres.ru/74018613>

SelfPub; 2026

Аннотация

Микаэль Картер никогда не должен был стать моей проблемой, но, как показывает практика, у жизни своеобразное чувство юмора.

Слишком заносчивый и самоуверенный. Слишком обаятельный. С ослепительной улыбкой и талантом выводить меня из себя. Тот, кого лучше избегать.

Но именно он каким-то образом умудрился разбить мне сердце ещё до того, как я успела признаться себе, насколько сильно он мне нравится.

Поэтому, оказавшись в новом городе и неожиданно столкнувшись с Картером снова, я принимаю единственно верное решение: ненавидеть его. Держаться от него подальше.

Жаль только, что наши с ним лучшие друзья помолвлены, а сам Картер — новая хоккейная звезда города и любимчик публики. И, кажется, он решил сделать своей личной миссией разрушение каждого пункта моего идеального плана.

Кто бы мог подумать, что ненавидеть Микаэля Картера окажется куда сложнее, чем я рассчитывала. Особенно когда эта ненависть всё больше начинает походить на любовь.

Содержание

Предупреждение:	5
Пролог	6
Глава 1	17
Глава 2	39
Глава 3	65
Глава 4	85
Глава 5	106
Глава 6	115
Глава 7	133
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Р. С. Кайроуз

Один бросок до тебя

Предупреждение:

В книге присутствуют упоминания алкогольной зависимости, психоэмоциональных трудностей, а также сцены неправильного употребления лекарственных препаратов. Описанные действия не являются рекомендацией и могут представлять опасность для здоровья.

Если вы сталкиваетесь с похожими трудностями в жизни, пожалуйста, помните: вы не обязаны справляться с ними в одиночку. Не оставайтесь с этим наедине и при необходимости обратитесь за профессиональной помощью.

ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЁН И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Пролог

Лили

октябрь

когда торнадо встречается с вулканом

Я смотрю на пожилую женщину перед собой, изо всех сил стараюсь сконцентрироваться на её словах.

В кабинете тихо. Только тиканье настенных часов и слабый аромат лаванды, доносящийся из аромадиффузора. На подоконнике стоит ваза с засохшими полевыми цветами, несколько книг аккуратно расставлены рядом. Всё предсказуемо и безопасно. Безопасно, но почему-то от этого ещё тревожнее.

— Также рекомендовано во время лечения с осторожностью употреблять кофе, — говорит она ровным голосом, глядя поверх очков. — Лучше воздержаться от крепких напитков. И никаких энергетиков, хорошо?

Несколько раз моргаю, словно с первого раза не поняла

услышанное. Отказ от алкоголя звучит вполне логично, но кофе-то в чём провинился?

— И самое главное — доктор делает пометку в карточке и поднимает на меня глаза. — Если лекарство не помогает или вы чувствуете себя хуже, сразу записывайтесь на приём. Не ждите, ладно?

— Идёт, — киваю, хотя внутри всё сопротивляется.

Я всё ещё перевариваю в голове, как собираюсь отказаться от кофе. Будем честны, современный мир сделал культ из этого напитка, и я стала одной из жертв, поклоняющихся ему.

Когда я выхожу из кабинета, воздух в коридоре кажется гуще, чем до этого. На секунду я застреваю в коридоре, закрывая за собой дверь с табличкой «психотерапевт». Светлые стены и мягкие диванчики кажутся стерильными, хотя, возможно, это даже лучше, что на стенах нет излишне жизнерадостных плакатов, той чуши с изображением лугов и радуг, где обычно пишется что «жизнь — это счастье».

Смотрю на рецепт и аккуратно сложенную памятку в моих руках, и искренне не понимаю, как моя жизнь дошла до этого. Я всегда была из тех, кто верил, что психотерапия спасёт мир. До недавнего момента. Пока не поняла, что она не спасает тебя, если ты не готов признать, что тонешь.

И вот она я, с диагнозом, запутанная, и странным ощущением, что стою в начале большого пути, что мне предстоит. И, кажется, настроена слишком оптимистично, просто наде-

ьясь, что вскоре почувствую себя лучше.

Когда я еду на бранч с друзьями, то мысленно настраиваюсь на встречу, как актриса перед дублем. Раньше со мной такого не было, всё было просто, никаких репетиций.

Переехав в Бостон пару месяцев назад, я наделась, что новая обстановка поможет мне развеяться. Но, оказывается, твои внутренние демоны не исчезают, стоит тебе упаковать свои вещи и рвануть в другой город. Мои демоны пробрались в мои чемоданы вместе с одеждой, решив составить мне компанию, куда бы я ни направилась.

Автобус мчится по городу, и стекло рядом со мной дрожит от вибрации. В его отражении вижу своё лицо, бледное, с чуть припухшими от усталости глазами. А за окном осенний Бостон, мокрый и яркий одновременно: капли дождя, смешавшиеся с жёлтой листвой деревьев, тянутся размазанными нитями.

Я смотрю, как мимо проносятся кофейни, бегущие по тротуару люди с бумажными стаканами, и думаю, что, может быть, каждый из них тоже что-то скрывает.

Может, мы все просто притворяемся, что держимся.

Сумка на коленях кажется тяжёлой, хотя в неё добилась всего лишь бумажка с рецептом.

«По утрам после еды». Смешно, что что-то настолько простое должно вернуть тебе желание жить.

Автобус тормозит, я выдыхаю и заставляю себя подняться.

Пора улыбаться.

Бранч проходит хорошо. Я шучу и стараюсь изо всех сил вести себя как прежняя Лили, не желая ловить на себе обеспокоенные взгляды моей подруги Грейс. И, возможно, я плохой друг, раз не решаюсь сказать ей про своё состояние. На удивление, я даже почти не притворяюсь, слишком занятая обсуждением последних сплетен, так, что в голове не остаётся места на что-то иное. Отвлечься — вот тактика, которая мне помогала раньше, правда, и она не всегда работает.

Мы непринуждённо болтаем, мы — это Грейси, её парень Элайджа и его сестра Айлин, а также Рид, партнёр Элайджи по команде «Бостон Гардианс». Они местные хоккейные звёзды, хотя Ридли сейчас приходится нелегко, и он в шаге от того, чтобы завершить карьеру.

Айлин — мой второй любимый человек в комнате, сразу после Грейси. И, кажется, она следующая, кто подумывает перебраться в Бостон вслед за каждым из нас. Сейчас она живёт и работает в Нью-Йорке, но приезжает каждые пару недель, достаточно часто, чтобы не выпадать из нашей жизни и быть в курсе всех сплетен.

Внешне Айлин напоминает женскую версию своего брата. Высокая, кудрявая шатенка с волосами чуть ниже плеч и выразительным взглядом светло-голубых глаз. Когда она улыбается, в этой улыбке всегда есть что-то игривое, почти провокационное — и, в отличие от своего брата, улыбается она часто. Она старше нас всех, но за всё время нашего

общения я ни разу не почувствовала этой разницы.

— И этот придурок заявил, что я поцарапала его машину! — возмущается Айлин, рассказывая свои последние новости. — Обвинил в этом меня.

— Я надеюсь, он извинился? — спрашивает Грейс.

Айлин только что бурно рассказывала про мужчину на парковке, который заявил, что она поцарапал его тачку.

— Нет! — Айлин шумно вздыхает. — Но знаешь, что хуже? Он горяч.

Я смеюсь, наблюдая, как Рид и Элайджа переглядываются.

— Айлин — стонет её брат.

— Подожди, пока не узнаешь, кто он такой! — она специально делает драматическую паузу, взяв нас на крючок. Даже парни слушают её внимательно. — Когда он вышел из машины, я подумала, что он мне кого-то напоминает, но долго не могла понять, кого

— Не томи! — я чувствую себя так, словно смотрю сериал.

Айлин поворачивается к брату и выдаёт:

— Это твой новый грёбаный специалист по развитию, — выдаёт она, и мы все замолкаем.

— Хейвен? — Элайджа уточняет, нахмурившись.

— У мистера Горячий фамилия Хейвен? — ухмыляюсь, поджимая губы, чтобы не выдать смех. — Это о многом говорит, — я подмигиваю Айлин. — Представляешь, насколько он хорош в постели?

Элайджа чуть не давится кофе от моего комментария, закашлявшись.

Я достаю телефон, вбивая имя Оуэна Хейвена в строку поиска, и открываю рот от неожиданности.

Первое фото, что мне выдаёт поиск, не свежее, ему явно больше десяти лет. На нём Хейвен ещё совсем юн, стоит на сером фоне в форме какого-то хоккейного клуба и в заголовке говорится что-то о его драфте. Я пролистываю дальше, и вот он. Взрослый, красивый, высокий. Вратарь. Даже на фото видно, насколько он огромен и без формы: широкие плечи и мощные руки с татуировками.

Тёмно-каштановые, чуть кудрявые волосы растрёпаны, рыжеватая щетина, которая не вяжется с его серьёзным выражением лица. Глаза кажутся серо-зелёными, взгляд холодный, внимательный, и в нём есть что-то усталое. На одном из снимков он стоит у борта, с шлемом в руках. В нём есть та самая смесь суровости и притягательности, из-за которой женщины обычно теряют голову.

— Ох, — вырывается у меня, когда я пролистываю к фотографии, где он улыбается. Улыбка слабая, чуть неуверенная, он выглядит как человек, которому улыбаться не даётся легко. И, чёрт возьми, именно из-за этого становится ещё хуже.

Да, теперь я понимаю определение слова «горячий» от Айлин. Даже слишком.

— Это самое прекрасное, что я видела, — вздыхаю я, по-

ворачивая экран с изображением подругам. — Девочка, тебе стоит оседлать его.

Элайджа стонет, прикрывая лицо ладонями.

— Лили, пожалуйста, перестань.

— Я не шучу! Айлин, — обращаюсь к смеющейся девушке, — ты просто обязана это сделать. Ради всех нас!

— Почти уверен, что это нарушит один из миллионных пунктов моего контракта.

— Кого волнует твой контракт, когда речь идёт о святом праве твоей сестры на секс с первоклассным жеребцом? — я шуточно закатываю глаза, пока Рейвен смотрит на меня так, словно ещё одно моё слово — и он задушит меня прямо здесь собственными руками.

Мне следовало бы бояться этого грозного взгляда, но на меня он не действует, и я только мило улыбаюсь ему под общий смех друзей.

— Ради бога, не упоминай в одном предложении слово «секс» и имя Айлин.

Я уже открываю рот, чтобы выкинуть очередную пошлую шутку, когда он говорит:

— Я серьёзно, Лилиан.

— О, смотрите, теперь он называет меня полным именем, — шепчу я скорее сама себе, — прямо как мой отец.

— Знаешь, я бы уже, не будь он таким придурком, — шепчет мне Айлин так, чтобы её слышала только я, и я одобрительно киваю, стараясь не расхохотаться.

Грейси тихо хихикает, пряча лицо за ладонью, но я замечаю, как они с Элайджей переглядываются. Они сидят в обнимку, но, к сожалению, не вызывают ничего, кроме умиления. На неё он смотрит с огромной теплотой в глазах.

Я вслушиваюсь, что эта отвратительно-приторная парочка говорит друг другу:

— Думаешь, они готовы?

— Может, не надо? — стонет Элайджа, откинувшись на спинку стула. Я замечаю красные пятна, появившиеся на его щеках. Подождите-подождите, суровый Элайджа Рейвен смущён?

— О, так теперь ты стесняешься? — подначивает его Грейс с улыбкой на губах.

Я наблюдаю за ними, ощущая, как в груди расплзается тёплое, щемящее чувство — смесь радости за них и что-то, похожее на тоску. Почти уверена, что у меня вряд ли когда-нибудь будет подобное.

Она поворачивается к нам лицом и мельком скользит взглядом по каждому.

— Ребят, у нас есть для вас новость! — Грейс ослепительно улыбается, и что-то внутри меня замирает, когда я наблюдаю, как Элайджа крепче обнимает её, сам едва сдерживая улыбку.

Мы с Ридли переглядываемся, а Айлин Рейвен так улыбается, словно уже что-то знает.

Наконец, Грейси поднимает вверх левую руку, шевеля

пальцами, и под светом ламп что-то блеснуло на её пальце.

— О боже, — прикрываю рот, замечая кольцо на её безымянном пальце. — Твою же мать! — визжу я как сумасшедшая, к моим воплям присоединяется Айлин.

— Вы?.. — я задыхаюсь, не в силах задать вопрос.

— Да, — с улыбкой на губах отвечает Элайджа и берёт её за руку, большим пальцем проводя по кольцу.

Айлин подпрыгивает на месте, Ридли одобрительно свистит, и мы подлетаем к ним, накидываясь с объятиями.

— Что? Когда? — Айлин начинает плакать.

Я смеюсь над нашей реакцией, но сама чувствую, как глаза становятся влажными.

— Почему ты не сказал?! — девушка трясёт брата за плечи под его раскатистый смех.

— А ты знала, что он собирается и тоже не сказала? — верещу я. — Хотя бы намекнула, предательница!

Мир на мгновение становится таким простым. Рядом с ними я чувствую, что являюсь частью чего-то целого и думаю, что, может, счастье действительно существует.

Грейс смеётся, наблюдая за нашей перепалкой, но я замолкаю, стоит мне нагнуться, чтобы рассмотреть кольцо. Синеголубой овальный камень окружён алмазами поменьше. Кольцо красивое, в нём нет той излишней демонстрации, что сейчас встречается у каждой второй невесты. Я одобрительно киваю головой, даже если моего мнения никто не спрашивал, это кольцо идеально для Грейс, и кто-то явно потра-

тился. Камни переливаются в свете, и я задаюсь вопросом, как могла не заметить его в самом начале нашей встречи.

Ещё одно очко в копилку Элайджи.

— Мои поздравления, — Ридли пожимает Элайдже руку, похлопывая по плечу.

— Я организую вечеринку в честь помолвки! — говорю как можно быстрее, всё ещё обнимая подругу. Всё уходит на второй план, а в голове уже рождаются идеи, как это можно осуществить. — Дорогой зять, — я следующая, кто обнимает Элайджу, он вздрагивает от того, как сильно я пытаюсь сжать его, явно не ожидая, — от тебя мне требуется расписание игр.

— Ты ведь возьмёшь меня в помощники? — шепчет мне Айлин, её глаза горят от радости за брата.

— Конечно.

Теперь я обнимаю и её, и мы кружимся в танце прямо между столиками в кафе, глупые и счастливые. Нам всё равно на взгляды окружающих, моя подруга, блин, выходит замуж!

— Подожди, а когда свадьба? — я резко останавливаюсь, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Мы ещё не выбрали дату, но это будет летом, в межсезонье.

Я одобрительно киваю, не в силах дождаться этого момента. Мы ещё долго не можем успокоиться: смеёмся, строим сумасшедшие планы, Айлин уже предлагает тосты, а Рид

спорит, кто организует мальчишник.

Грейси сияет. Элайджа не отрывает от неё взгляда, будто боится, что стоит моргнуть — и всё исчезнет.

И я вдруг понимаю, что никогда не видела её настолько счастливой. Смотрю на Грейс и Элайджу, их переплетённые руки, и чувствую, как где-то под рёбрами рождается тёплая, колющая боль. Впервые радость и зависть сплетаются во что-то неразличимое.

Я улыбаюсь, делая глоток чая, стараясь не думать о пустоте, которая поднимается в груди.

И всё же думаю.

Может, и мне когда-нибудь повезёт.

А может — и нет.

Глава 1

Лили

Осматривая украшенное помещение, я не могу скрыть улыбки. Всё здесь пропитано духом праздника и тем особенным уютом, который возникает, когда в одном месте собираются дорогие тебе люди.

Просторная комната наполнена светом гирлянд, огоньками в форме тыкв и бумажными призраками. Между столами с пуншем и подносами с кексами с узором паутин и скелетов перемещаются друзья и знакомые Грейс и Элайджи. Кто-то в костюме вампира, кто-то в кошачьих ушках, а кто-то облит искусственной кровью.

На фоне играют поп-хиты, звук перемешался со смехом, чоканьем бокалов и шуршанием конфет. Всё это создаёт некую камерность мероприятия и ощущение, что время замедлилось на пару часов.

Наверное, идея совместить вечеринку в честь помолвки с Хэллоуином была немного сумбурной. Но так каждый нашёл время, чтобы прийти.

Я наблюдаю за кучкой мужчин в дальнем углу — хоккейными друзьями Рейвена, и даже узнаю пару лиц. Одному из

них принадлежит этот шикарный дом. Мужчины уже давно переговариваются друг с другом вполголоса и смеются так, будто снова оказались в раздевалке после тренировки. Их костюмы либо особо не отличаются от повседневной одежды, либо представляют собой нелепые парики и карнавальные очки — довольно символично, но у нас не было строгого дресс-кода.

На мне лиловый костюм феи. Переливающийся, из полупрозрачной ткани, с корсетом вокруг талии и короткой юбкой, и крыльями за спиной, поблёскивающими при каждом движении. Слишком много кожи и блёсток, слишком много меня. Или, наоборот, недостаточно. Я не уверена.

Я даже не знаю почему именно предложила подругам стать феечками на этот вечер. Мне хотелось притвориться, что всё легко? Хотелось бы мне оказаться в сказке и превращать боль в пыльцу.

На деле же я просто стою и сжимаю стакан с пуншем и постоянно поправляю эти чёртовы крылья, что то и дело цепляются за чужие плечи.

Я не сразу замечаю движение в «хоккейном» углу, наблюдая за работой кейтеринговой фирмы, но громкие мужские голоса и возгласы заставляют меня поднять взгляд в их направлении.

Вот чёрт.

Никто иной, как Мик Картер приветствует своих знакомых.

Кто бы сомневался.

Я собираюсь исчезнуть из этой комнаты как можно быстрее, и едва не проливаю пунш на юбку, но стоит Микаэлю повернуть голову, он тут же ловит мой взгляд на себе.

В голове словно включается эвакуационная сирена, призывающая бежать. Но я теряю время, замирая от его взгляда на пару секунд, пока не прихожу в себя и разворачиваюсь, направляясь в противоположную сторону, как можно дальше от него.

Музыка и смех слишком громкие, и я не сразу слышу приближающиеся со спины шаги, пока мужской голос позади не говорит:

— Знаешь, я был очень удивлён, не получив приглашение.

Я снова замираю. «*Я ненавижу его*», — снова и снова мысленно повторяю себе, вот только непослушное сердце всё равно ёкает при звуке его хриплого голоса.

Я ненавижу его. Пытаюсь выучить эти слова как мантру, но ничего не выходит.

Я. Ненави-

— Не знаешь, почему? — наконец, он равняется со мной, а затем и вовсе преграждает мне путь.

Я сглатываю. Сейчас бы не помешало немного волшебства. Или невидимости. Или, на крайний, вина.

Я не видела его так близко с той ночи, когда он покинул мою комнату, пока я спала. Даже не попрощался. И, что хуже всего для меня, он мне нравился. В прошедшем времени.

На нём, конечно, нет никакого костюма, если это только не костюм самого дьявола.

Он выглядел слишком хорошо, чтобы я чувствовала себя спокойно.

Классика: чёрная рубашка с расстёгнутым воротом, закатанные рукава и привычно надменный вид. Русые волосы растрёпаны, на лице небрежная щетина, но почему даже не потратив и часа на подготовку, ему обязательно выглядеть так хорошо?

Теперь я делала всё возможное, чтобы не забыть, почему ненавижу его.

Во-первых, он заставил меня почувствовать себя брошенной — одно из самых нелюбимых моих чувств, если вы спросите меня. Во-вторых, никто прежде не сбегал от меня на рассвете — считайте, это тоже задело мои чувства. Ну и в-третьих, впервые за долгое время мне кто-то понравился. Вот только этот кто-то сбежал, не оставив номера.

И я понимаю, если бы парню не понравилось и он провёл со мной ужасную ночь, но это явно было не так. Иначе он бы не целовал меня так, как в ту ночь. Так что либо он искусный лжец, либо чёртов придурок. Оба варианта хороши, и я склоняюсь к их тандему.

И тут совсем не помогала его смазливая внешность, и даже если поначалу я ходила по ней с ума, то затем день за днём училась ненавидеть её. И стоило мне почувствовать себя немного лучше в своём приступе ярости и ненависти к

нему, переехав этим летом в Бостон, как этот придурок подписал контракт с «Бостон Гардианс», и теперь его лицо время от времени маячило у меня перед глазами с билбордов по всему городу.

— Ты не получил приглашение? — с удивлением поднимаю брови, заставляя себя улыбнуться. — Должно быть, оно не дошло.

Почта в преисподней работает с перебоями.

— Да, должно быть, — он говорит медленно и долго смотрит на меня, испепеляя взглядом. И я улыбаюсь в ответ ровно столько, чтобы дать понять, что разговор окончен.

Когда он разворачивается и уходит, улыбка тут же исчезает с моего лица.

Да, я не пригласила лучшего друга жениха на вечеринку в честь помолвки, и искренне считаю, что без него здесь было бы лучше.

Подхожу к стойке с напитками и, сомневаясь лишь секунду, беру бокал с шампанским. Смотрю на пузырьки в бокале, а затем выпиваю его практически залпом. К чёрту.

Айлин подбирается ко мне сбоку и бросает на меня взгляд, как бы спрашивая, всё ли хорошо, и я вымученно улыбаюсь ей.

Айлин Рейвен для меня была воплощением хаоса и обаяния. Сейчас на ней короткое платье цвета морской волны с блестящими вставками и пайетками, выигрышно смотрящимися на её формах. Крылья феи закреплены кривовато, но

подруга совершенно не смущается, назвав свой образ «феей с похмелья».

— Я его не переносу, — жалуясь ей, все близкие знают, как мы не ладим. Возможно, для какого-то это нелепая ситуация, но не для меня. Он буквально бесит меня одним своим существованием.

— Постарайся не убить его сегодня, — просит она, её щеки покраснелись, а глаза сияют. Она развлекается явно лучше всех. Когда она отходит, пританцовывая, и я остаюсь стоять одна, наблюдая, как Микаэль направляется к Элайдже, слыша их смех и поздравления по случаю помолвки.

— Боже, помоги мне пережить этот вечер, — шепчу сама себе.

— Я, конечно, не боже, — слышу знакомый голос рядом и оборачиваюсь, улыбаюсь, замечая Ридли, — но тоже не прочь помочь.

Славный парень Ридли Максвелл. Рид был тем, кто первым показал мне Бостон и влюбил меня в этот город, и пока друзья гадали, что происходит между нами, мы всю ночь проговорили по душам. Правда в том, что Рид практически сразу стал моим хорошим другом в этом городе. Мы часто флиртовали и не зашли дальше одного неловкого почти-поцелуя, что бы там не думали остальные, и мне нравилось это. Он был красив, галантен и делал комплименты так, будто был влюблён, пока я заигрывала с ним. Это был наш негласный договор.

Ридли выбрал костюм вампира: чёрная бархатная накидка, расстёгнутая рубашка и зачёсанные назад тёмные волосы. К счастью, обошлось без теней под глазами, но мне он всё равно больше напоминал персонажа из «Сумерек», чем злодея из сказки, но, возможно, на это и был расчёт.

— Пойдём, перемоем ему косточки, — он приобнимает меня, и я откидываясь назад, на его плечо. Вот почему я не могу ничего чувствовать к парню вроде Рида?

— Я тебя обожаю, — шепчу, потягивая ещё один бокал шампанского. Жар от алкоголя довольно быстро распространяется по телу, но я стараюсь не думать об этом.

Мы устраиваемся на заднем дворе, болтая обо всём и ни о чём одновременно.

Задний двор был оформлен просто: шезлонги и плетёные кресла стояли полукругом вокруг, между ними уличные обогреватели, а над головами в мягкой полутьме свисали гирлянды с тёплым свечением.

— Как думаешь, у нас бы что-нибудь вышло? — спрашиваю с полуулыбкой, потягивая напиток. Наверное, завтра я буду об этом жалеть и считать себя безвольной.

Ридли фыркает, откидываясь на спинку плетёного стула.

— Даже я считаю, что ты бы съела меня заживо. И не в хорошем смысле.

Я действительно слышала подобное мнение от Грейси ранее.

— Ты правда так думаешь? — поднимаю бровь, глядя на

него. На мгновение мне становится всё интереснее, получилось бы у меня быть с парнем вроде Рида.

— Ты как вулкан, Лили, — вздыхает парень. — Я бы не выдержал твоего огня.

— Ты хотел сказать, лавы? — уточняю. — Будем считать, что ты назвал меня горячей, — смеюсь, запрокидывая голову, чувствуя, как ветер треплет мои светлые волосы.

Вот почему мне так нравилось находиться рядом с Максвеллом. С ним просто, он не усложняет и не делает больно, и он не пытается залезть в душу.

— Ты пережил серьёзную травму, Ридли, — вздыхаю. — Не думаю, что я опаснее.

Он усмехается, чуть склонившись ко мне. Он него слегка разит выпитым алкоголем, а глаза, как и мои, затуманены.

— Опасность бывает разная, Лили, — он понижает голос. — Ты просто смотришь, а человек уже забывает, кто он.

Я улыбаюсь, усмехаясь. Это слишком приятно — чувствовать себя хорошо, получая удовольствие от комплиментов и флирта.

— Ты просто чудо, — шепчу в ответ, и на этот раз приходит черёд Рида усмехнуться. — Может, нам с тобой всё же стоило попытаться?

— Да мы же даже и не пытались. Не по-настоящему.

Пару секунд мы молчим, я улыбаюсь, чувствуя, как голова понемногу плывёт от выпитого алкоголя. Я скидываю с плеч плед, на лице довольно прохладно, и по коже сразу прохо-

дят мурашки, но так я надеюсь, что так быстрее остыну.

Рид смотрит куда-то за мою спину, в сторону дома, и слегка прищуривается.

— Только не оборачивайся.

После его слов, мне кажется, что я чувствую чей-то прожигающий взгляд и, по-видимому, мне не нужно оборачиваться, чтобы узнать, кому он принадлежит.

Рид улыбается, подсаживаясь ко мне и кладя ладонь на моё оголённое плечо, чуть надавливая, словно не верит, что не повернусь. Я глубоко вздыхаю, чувствуя, как кожу с непривычки чуть обжигает в том месте, где он касается меня, и перевожу взгляд с него на свечение от уличного обогревателя.

— Кое-кто очень внимательно разглядывает нас.

Я тихо вздыхаю, снова глядя перед собой.

— Картер.

— Угадала с первого раза, — Ридли грустно улыбается.

Между нами возникает пауза, из дома доносится музыка и отдалённые голоса, но почему-то сейчас я ещё больше чувствую себя пустой. Желая заглушить это чувство, я делаю ещё один глоток напитка, который вот-вот закончится.

— Всё ещё смотрит? — шепчу, хотя сама боюсь услышать ответ.

— Я бы сказал испепеляет.

Рука Максвелла всё ещё покоится на моём плече, и он ободряюще сжимает его.

— Хочешь поиграть? — это первое, что приходит мне в голову, и я не уверена, что завтра эта идея будет казаться мне такой же хорошей.

— Я не собираюсь устраивать сцен, — спокойно говорит он. — Но даже меня пугает его взгляд, а я профессионально играл в хоккей и имел дело с лучшими тафгаями.

— Тушуешься перед ним? Он ничего тебе не сделает, — мягко кладу свою ладонь на его предплечье.

Я знаю, что неправильно втягивать в это Ридли, особенно когда он ещё официально числится в том же клубе, что и Мик, но что-то внутри меня хочет этого.

— Тогда почему он стоит у окна как долбаный сталкер и смотрит так, будто готов выбить стекло?

Я тихо выдыхаю, снова поднося бокал к губам.

— Может, ему не нравится декор, что я выбрала для вечеринки?

Рид усмехается, а затем вдруг всё же наклоняется ближе ко мне.

— Раз уж я должен сыграть, то сделаем это по моим правилам?

— Что ты задумал? — шепчу я ему в лицо.

— Всё просто. Я тебя поцелую, а ты скажешь, что почувствовала.

Я приподнимаю бровь, удивлённая его словам. Мы почти поцеловались в день нашего знакомства, из-за чего мне даже было неловко, а Грейс всё время твердит, что Максвелл

смотрит на меня не как друг. Вот только я и сама вижу это и понимаю, но ничего не могу поделать, мне нравится общаться с ним, но только как я другом.

— Ты сошёл с ума.

С другой стороны, я никогда прежде не целовалась с вампиром.

— Немного, — он слегка улыбается, кладя ладонь мне на лицо, глядя кожу большим пальцем.

Но почему я ничего не чувствую в этот момент, когда он делает так? Почему? Ридли Максвелл хорош собой: высокий, голубоглазый, с обаятельной улыбкой и добрым сердцем. Внимательный и надёжный. И, что самое важное, я ему интересна. Любая нормальная девушка уже влюбилась бы. Только почему этого недостаточно для меня?

— Просто утолим любопытство. Твоё, моё и его.

Я замираю на последних словах.

— Думаешь, он ревнует?

— Я знаю, что он ревнует, — усмехается Рид, глазами скользя по моему лицу. — Вопрос в том, хочешь ли ты этой игры.

Он медленно подаётся ближе, шепча мне в губы:

— И я пойму, если ты не захочешь.

Я не отстраняюсь, только сейчас сердце начинает стучать быстрее. Сначала он мягко касается губами уголка моих губ, и мы почти соприкасаемся губами, как дверь, ведущая на задний двор, громко хлопает.

Я вздрагиваю, невольно подаваясь назад, разрывая наш с Ридли контакт.

Краем глаза вижу, как Микаэль шагает по газону, руки в карманах, и он бы выглядел скучающим, если бы его не выдал взгляд. И смотрит он не на нас, не на Рида, а именно на меня. И так пристально, что мне становится не по себе.

Мик Картер останавливается в нескольких шагах от нас.

— Надо же, — тянет он, будто перед этим не следил за нами. — Максвелл. Вот уж с кем я не ожидал тебя застать за духовной беседой.

Я сжимаю зубы, изо всех сил стараясь не закатить глаза.

— А ты, я смотрю, предпочитаешь быть незванным гостем? — не моргнув, отвечает Рид.

— Не хотел мешать, — Мик усмехается. — Вид у вас и правда был трогательный, но потом я решил уберечь тебя от ошибки.

Я его убью.

Хуже всего то, что он выглядит таким незаинтересованным и даже безразличным. Я невольно поднимаюсь с места, голова идёт кругом, но я твёрдо стою на ногах. Каблуки проваливались в траве, но сейчас это было последним, что волновало меня.

— Чего ты добиваешься, Микаэль?

Он пожимает плечами, но я замечаю, как он напряжён. Наконец-то.

— Ничего. Просто оберегаю друга от ошибки.

Ошибки, ошибки, ошибки Так вот какое его мнение обо мне?

— Это не твоё дело, — бросаю, невольно скреживая руки на груди.

— Оставить вас на минуту? — Рид не обращается ни к кому конкретно.

— Нет!

— Да! — слышится одновременно с моим «нет».

Рид кидает на меня взгляд, как бы спрашивая: «Ты справишься?» Я киваю, и он уходит, в последний раз кинув на меня взгляд.

Остаётся только тишина и этот идиот.

— Ещё раз спрашиваю, чего ты добиваешься? — я отхожу чуть дальше от окон, в тень деревьев, не желая, чтобы любой желающий мог наблюдать за нашей ссорой. Почему он не уходит? Разве не понятно, что я хочу побыть одна?

— Я? — его голос чуть срывается. Часть меня скучала по нему, и я ненавидела это. — А ты? Путаешь мозги бедному парню просто потому, что тебе стало скучно и ты решила развлечься?

Это страшно признавать, но он прав.

— Как трогательно, что ты переживаешь за него, — усмехаюсь. — Но как жаль, что это не твоё чёртово дело.

Мик делает шаг ближе, находясь почти рядом, и почему-то его взгляд вызывает во мне дрожь. Или это холод?

— Ненавидишь меня? — хрипит он, усмехаясь. Он мед-

ленно идёт на меня, и я чувствую, что никуда не денусь от него.

Почему я позволяю ему это? И почему мне так больно и так хорошо одновременно?

— Больше жизни.

— О, так сильно? — он тихо смеётся, будто подпитываясь моими чувствами, и надвигается на меня. Он загоняет меня в ловушку так, что спиной я уже упираюсь в стену дома в тени заднего двора, подальше от чужих глаз. — Я думал, что нравлюсь тебе.

— Это в прошлом.

— Значит, в прошлом?

Я оказываюсь в ловушке.

— У тебя проблемы со слухом, Картер?

— Перешла в нападение? — он снова усмехается. — Знаешь, — его голос тихий, он почти шепчет, — Рид может и хороший парень, но у него нет шансов. Я прав?

Я не сразу понимаю, что он сказал.

— Прости?

— Думаю, ты скучала по мне.

Я взрываюсь:

— Ты совсем охренел?

— Ты думала обо мне, когда ждала его поцелуя?

Я открываю рот, но слова покидают меня, стоит ему вплотную подойти ко мне, криво улыбаясь. Чувствую, как сердце начинает биться чаще.

— Вот только бедному ребёнку ничего не светит, — говорит он, наклоняясь ближе, что его дыхание касается моей кожи. — В отличие от меня.

Его пальцы ложатся мне на руку, легко, почти невесомо, словно боится, что я ужалю его в последний момент. В животе что-то болезненно сжимается. Он медленно скользит выше, к локтю, а я так и не могу пошевелиться, когда его рука касается моей спины, скользя по ткани. Он словно помнит мои слабости, когда рукой проводит вниз вдоль позвоночника, и сейчас ведёт себя так, словно пришёл разрушить все мои границы.

— Я помню, — шепчет он мне на ухо, голос стал совсем низким и проникновенным, — как ты звучала, когда я был внутри тебя, Лили.

Моя кожа мгновенно вспыхивает от воспоминаний; пламя гнева и желания одновременно разгораются внутри. Я толкаю его в грудь, но он не двигается с места, крепко хватая меня за запястья, не давая отступить.

— Ты совсем — начинаю, но не заканчиваю.

Потому что он касается моего лица, и делает это так, будто стирает чужие прикосновения. Его пальцы проходят по моей щеке, губам, как будто он пытается пометить места, где ещё недавно мне касался Рид.

— Не прикидывайся, мы оба помним, как ты просила меня не останавливаться.

Я лишь на мгновение прикрываю глаза, желая собраться

с силами, но вместо этого в голове появляемся мы тогда.

— Но он никогда не узнает, как ты задыхаешься, когда я
Он обрывает фразу, наклоняясь ближе, но я не отталкиваю его, и это самое страшное.

Я не понимаю, как это происходит, когда мои губы резко встречают его, а поцелуй больше похож на столкновение и взрыв.

Он жадно целует меня, его губы сминают мои, и по воспоминаниям он целуется ещё лучше, чем я помню. Руки скользят по талии и бёдрам, прижимая меня к крепкому мужскому телу, всё как в ту ночь. Моё тело предаёт меня. Этих искр хватает, чтобы распалить жар внутри меня, и я чувствую этот разгорающийся пожар, больше походящий на настоящую катастрофу на фоне моей злости, уязвимости и желания, которое невозможно больше скрыть.

Микаэль прижимает меня к стене, окончательно скрывая нас в тени. Его губы находят мою шею, исследуют ключицы, пока руки забираются под подол юбки. Я задыхаюсь от каждого его движения, но не отступаю.

Пальцы рук скользят ниже, и я сжимаю его пиджак в кулак, чувствуя, как кожа вспыхивает под его пальцами, он словно знает, где я более уязвима.

— Я же говорю, скучала, — он смотрит мне в глаза своим потемневшим, тяжёлым взглядом.

— Заткнись, — стону я, когда он касается моей чувствительной точки сквозь ткань трусиков. Вот так просто всё

внутри меня рушится.

— Ты избегаешь меня, Лили, — он продолжает шептать и сжимает мою грудь так, что я издаю ещё один стон. — Мне говорили, ты сходишь по мне с ума. Но я прихожу и что я вижу? Как возле тебя трётся Максвелл?

— Как будто тебе есть до этого дело, — шепчу, подставляя шею для поцелуев. Насколько первоклассным придурком был Мик Картер — настолько хорошо он целовался.

— Он до сих пор там, у стеклянной двери. Смотрит, — говорит он, и я чувствую, как сердце ускоряет ход. — Смотрит на то, что ему не светит, — его пальцы сильнее массируют клитор, и я сжимаю губы, чтобы не издать стон. — В отличие от меня.

Мысль о том, что Рид сейчас наблюдает за нами должна отрезвить меня, но вместо этого я стораю сильнее.

— Тебе это нравится, не так ли? — продолжает шептать Картер. — Ты этого хочешь, — шепчет он, — ты просто боишься, что снова почувствуешь.

И в этот момент я словно прихожу в себя. Знал бы он, как я устала от этой борьбы внутри себя.

Я резко отстраняюсь и, сама этого не понимая, поднимаю руку и бью его по щеке. Звук выходит коротким, а ладонь тут же жжёт. Я сделала это, потому что если бы он сказал ещё хоть слово, я бы тут же рухнула.

Он смотрит на меня, ошарашенный, но не двигается. Просто смотрит, тяжело дыша, не отступает, и в его карих глазах

вспыхивает не гнев, а растерянность.

Я задыхаюсь, губы ещё влажные от поцелуев, а руки дрожат совсем не от холода.

— Никогда больше не трогай меня, если ты не уверен, что это не игра.

Я вырываюсь и иду прочь.

Почему я сказала это? Я, блять, правда ударила его?

И когда я вижу Рида у двери, я срываюсь на бег. Бежать — вот всё, что я могу. Сердце гулко грохочет в ушах, и я бы отдала всё, чтобы не слышать его сейчас.

Рид стоит у стеклянной двери, застыв, и я не могу прочесть выражение его лица.

Я захожу обратно в дом слишком быстро для того, кто не хотел привлекать внимания, пока сердце всё ещё бьётся так, будто я пробежала марафон. Слёзы подступают к горлу, но я пытаюсь сдерживать их.

Но хуже всего то, что я продолжаю чувствовать его вкус на своих губах. И в голове только одна мысль: я больше не знаю, кто я. Микаэль Картер задел то, что давно должно было зажить.

Я прячусь на кухне, наливая себе воды, надеясь, что хотя бы она поможет мне прийти в себя.

— Всё в порядке? — слышу мягкий голос Рида за спиной. Что ещё хуже — я даже не могу злиться на него, ведь по сути сама виновата во всём.

— Нет, — признаюсь честно. — Но скоро будет.

Он кивает, и я осмеливаюсь посмотреть на него. В его взгляде нет и намёка на осуждение, но почему-то от этого мне только больнее.

— Если хочешь знать, это было горячо.

Я усмехаюсь от его слов. Это не те слова, что я ожидала услышать после произошедшего, но в этом был весь Ридли — он знал, как заставить меня почувствовать себя лучше.

— Я рада, что ты не звучишь, как моя совесть.

— Ни в коем случае. Но, наверное, я должен извиниться за то, что подглядывал.

Я качаю головой. Мы правда обсуждаем это?

— Перестань быть таким хорошим.

— Кто-то же должен.

Он поворачивает голову, и смотрит прямо на меня.

— А ещё, как твой друг, я должен сказать тебе, что

Я снова замираю, не в силах сделать вдох. *Только не это.*

Я зла. На себя. На Мика. На то, что Рид собирается сказать. На то, что в этом взгляде нет ни капли желания воспользоваться моментом.

— Если ты захочешь, я могу быть для него угрозой. Но не для тебя. Я не собираюсь ломать тебе голову. Я просто хочу быть рядом. Как друг или когда ты захочешь чего-то настоящего.

Я теряюсь. Но впервые за весь вечер чувствую себя не на грани, а немного ближе к берегу. Где всё спокойно.

Поэтому просто киваю. Меня немного подташнивает от

его слов, но я понимаю, что в его словах есть смысл. Я никогда всерьёз даже не рассматривала его как потенциального парня, но, возможно, стоило бы. Но все мы знаем, что эта идея обречена на провал. Ему не нужна девушка вроде меня, особенно та разрушительная версия меня, которую я тщательно пытаюсь скрыть ото всех. Ему не нужен этот огонь, и я не хочу его ранить.

Я прикусываю губы, подбирая, что сказать.

— Спасибо. За то, что не давишь.

— И за то, что не целую? — чуть улыбается он.

— И за это.

Я слабо улыбаюсь и иду прощаться с друзьями перед тем, как уйти. А Рид остаётся на месте, глядя в ночь, в которой снова сжёг себя о чувства.

Кажется, этой ночью я, возможно, невольно разрушила нашу дружбу.

М и к

По моему мнению, было глупо устраивать вечеринку по случаю помолвки, когда до свадьбы оставался ещё целый сезон. Ещё глупее было объединять её с вечером в честь Хэл-

лоуина, хотя, возможно, в этом был свой шарм.

Но самым глупым поступком для меня было заговорить с Лили Беннетт. Мне следовало избегать этой чокнутой бес­тии как чумы, но я всё равно пошёл на риск.

Я стою, прижавшись спиной к стене, ощущая резкий удар — не сколько по лицу, сколько внутри.

Пощёчина. Чистая, холодная, как вызов.

Она ударила меня Мысль бьёт меня, словно падение на лёд. И это не физическая боль. Это боль глубже — боль от того, что она предпочла мне Максвелла.

Я не знаю, как перешёл от избегания к нападению, но когда я увидел, как они воркуют сегодня, что-то переключилось в моей голове. И я не смог бы описать причину этого, даже самому себе, даже если бы хотел.

В этой девушке было что-то, что распалило в моей груди огонь. Я понял это ещё в тот вечер, когда встретил её во Флориде, этот огонь и стал причиной, почему я предпочитал держаться от неё на расстоянии. Я просто предчувствовал, что ничем хорошим это закончиться не может.

И вот я здесь.

Смотрю на её уходящую спину, слышу, как гудит кровь в ушах после того, как я снова прикасался к ней, как целовал её.

Что я хочу? Что я могу дать ей, если сам ничего не могу понять?

Я хотел думать, что всё, что было — просто интрижка.

Вечер без последствий. Но теперь теперь я понимаю, что это была ошибка. Ошибка считать, что я могу контролировать то, что происходит между нами.

Сжимаю кулаки, сдерживая желание крикнуть, чтобы она остановилась. Чтобы она знала — я здесь, а это не игра. Но я не могу, не сейчас.

Я идиот. И хорош в том, чтобы всё портить.

Вместо того, чтобы пойти за ней, я медленно опускаю голову и позволяю самому себе почувствовать. Бояться. Ревновать. Хотеть.

И, возможно, впервые признаю себе: я не хочу её отпускать, даже если не знаю, как это показать.

Глава 2

Лили

Утром в понедельник я думаю, что меня прокляли. Иначе я не могу найти оправдания тому, что как минимум половина команды «Бостон Гардианс» находится в приюте для домашних животных, в котором я работаю. Не желая пересечься ни с кем из них, я как можно скорее прячусь в своём маленьком кабинете в дальнем конце приюта. Иногда он напоминал мне каморку, но здесь хотя бы было крошечное окно, пусть и под самым потолком. Главное, что тут мне было комфортно, а своими силами я добавила пару элементов уюта.

Я могла работать из дома, но мне казалось, что, отправляясь каждое утро в приют, я держу себя в тонусе.

Я работала зоозащитным юристом — путь, который сам нашёл меня. В колледже я была волонтером в местных организациях для животных, и, хотя зоозащита не была моим профилем, после переезда в Бостон первой вакансией, на которую я наткнулась, оказалось место в приюте. В качестве бонуса меня ждало с десятков хвостиков, которых можно было тискать за ушком в перерыве на ланч.

В начале осени, прямо перед стартом сезона, хоккейный клуб «Гардианс» начал теснее сотрудничать с местными благотворительными организациями, включая наш приют — странное совпадение, если вы спросите меня.

К счастью для меня, до этого момента мне виртуозно удавалось избегать общения с одним конкретным хоккеистом, ведь все предыдущие съёмки проходили на арене. Они заранее отсняли материал к Рождеству и календарь на следующий год, который, в моем огромнейшем огорчении, и правда получился раздражающе хорош.

Серьёзно. Внушительные мужчины с ослепительными улыбками и щенками или котятами на руках. Это должно быть незаконно. И все месяцы были прекрасны. Все, кроме января.

Начало года открывал никто иной, как Микаэль Картер.

Когда мне впервые дали посмотреть готовый календарь, я едва сдержалась от того, чтобы выколоть ему глаза прямо на бумаге. Так сказать, в терапевтических целях. И только милое изображение белой кошки по кличке Мун, с которой он был запечатлён, меня остановило. Но официально: я уже заранее начинала ненавидеть январь, потому что знала, что целый месяц эта фотография Картера с Мун будет висеть в холле приюта.

Именно поэтому часть меня искренне недоумевала, что ещё можно было снимать на этот раз. Но другая часть меня, более адекватная, была всё же рада: если таким образом жи-

вотные найдут свой дом, это будет замечательно.

С мыслями об этом я погружаюсь в работу. Буду честна, моя работа обычно не особо гламурна. В реальности это бесконечные звонки, отчёты и списки, а также попытки убедить людей, что взрослый пёс с одним глазом на деле не хуже пушистого щенка. Знаю, звучит неубедительно. Я часто помогаю отвечать на письма приюта и участвую в написании постов для соцсетей, а иногда контактирую напрямую с животными, когда не хватает волонтеров. Так что в любой момент меня можно застать с собакой на руках или в резиновых перчатках, на коленях убирающей клетку, и мне это нравилось.

Приходит время обеда, и я собираюсь тихо выскользнуть из кабинета, чтобы отправиться в ближайшее кафе.

Когда я подхожу к двери и открываю её, то невольно замираю. На двери и стеклянной перегородке возле висели жалюзи, поэтому мне не было видно, что происходит в коридоре. Жаль, так я бы могла хоть немного подготовиться.

Микаэль Картер собственной персоной стоит прямо у порога моего кабинета с поднятой вверх рукой, словно собирался постучать.

— Привет, — просто говорит он, и я вскидываю брови.
Привет? Пошёл ты

— Мне стоит сделать запрет на приближение?

Я сжимаю зубы, чувствуя, как внутри меня начинает кипеть тот самый вулкан.

— Я пришёл извиниться.

Сперва я не понимаю его слов, они кажутся чем-то нереальным. Невольно я рассматриваю Мика и, к несчастью для себя, чувствую, как ускоряется пульс. Он всё так же красив. К сожалению.

Высокий, широкоплечий, в джерси «Гардианс», рукава немного закатаны, показывая вздутые вены на предплечьях. Русые волосы уложены и зачёсаны назад. Карие глаза кажутся раздражающе знакомыми, его взгляд цепляется за меня, и на секунду я забываю, как дышать.

У него то самое выражение лица, которое будто кричит: «Ну да, я всё испортил, но посмотри на меня — тебе всё равно хочется».

Я ещё раз оглядываю его, едва слышно вздыхая. Моё утро официально испорчено.

Поразмыслив, делаю шаг назад и молча пропускаю его в кабинет. Закрывая за ним дверь, я направляюсь обратно к письменному столу и облакачиваюсь об него бёдрами. Мик остаётся стоять у входа, просто глядя на меня.

— Милые очки, — говорит он, и я вспоминаю, что не сняла очки, и тут же, слишком резко, поднимаю их на голову. — Значит, ты зоозащитница?

К чему эти слова?

— Я тебя слушаю.

Стараюсь, чтобы мой голос звучал как можно строже, не выдавая эмоций. Буду честна, я совершенно не хочу с ним контактировать сегодня. Да и когда-либо ещё. *Я не готова,*

и вряд ли буду.

— Я не хотел причинить тебе боль.

Слова звучат внезапно. Я чуть не давлюсь водой, глоток которой делаю.

— Ни на вечеринке, ни когда-либо до.

Моргаю, чувствуя себя так, словно ослышалась. *Он что?*

— Тебе в голову прилетела шайба? — просто спрашиваю я, и он усмехается, услышав мой ответ.

— Послушай, Лили

— Это была ошибка, Картер, — отрываю я, глядя на него как можно более холодно. Не уверена, что вынесу ещё мину-ту в его компании. Я буквально чувствую, как внутри меня всё бурлит. Я и правда как вулкан. — Ты всё верно сказал тогда.

— Я просто думал, ты тоже этого хотела Без продолжений. Без чувств.

— Всё так, — говорю. — Просто ночь. Как ты и сказал.

По крайней мере, это то, во что мне бы хотелось верить. Вот только почему внутри меня всё жжёт, стоит мне произнести эти слова?

— Но ты смотрела на меня так, будто сожалешь, что всё это случилось.

— Может, я и сожалею.

— Я прошу прощения.

— За что конкретно? — я не понимаю, как так получилось, что этот разговор состоялся. И мне страшно, к чему

он приведёт. — За то, что игнорировал мои сообщения, и я почувствовала себя использованной? Или за то, что решил, что имеешь право трогать меня, когда захочешь?

— За всё?

— Я так делала в детстве, — усмехаюсь. — Когда меня просили извиниться, а мне не хотелось признавать вслух, что именно я сделала не так, я отвечала так же.

— Я правда пытаюсь, — он не сводит с меня взгляда, и на мгновение мне даже кажется, что я вижу боль в его глазах. Но мне только кажется. — Я не хотел ранить тебя, не хотел, чтобы ты что-то почувствовала и

— Не надо, — тихо прекращаю я, — не делай вид, будто тебе есть дело до того, что я чувствую.

Он делает один шаг вперёд, но я тут же поднимаю руку, прося его остановиться и, к моему удивлению, он замирает.

— Лили

— Хочешь знать, что я чувствую к тебе сейчас?

Я бы не хотела говорить этого, но всё равно делаю это:

— Ненависть, Картер. Самую настоящую.

Он замирает на секунду, а затем проводит рукой по затылку, как делает, когда нервничает.

— Ты не такая, как я думал, — наконец произносит он.

Я моргаю, всё внутри обрывается. *Вау, ну спасибо, придурок.*

— Прости?

— Когда я встретил тебя, я думал, ты одна из тех, кто вос-

принимает всё легко. Что ты умеешь оставлять прошлое в прошлом.

Мне хочется сказать, что я была такой, я была именно такой, но он что-то сломал во мне. Я, блять, правда теперь не переношу даже его вид, а этот разговор высасывает из меня все силы.

— Я не просила ни любви, ни отношений, — чувствую, как голос дрожит, несмотря на все усилия. Я хотела, но не просила. — Но даже одноразовые вещи заслуживает уважения.

Мне хочется горько рассмеяться, я была одноразовой для него — вот правда, которой я так боялась.

— Я заслуживала честность, а не последнего труса.

Он закрывает глаза на пару секунд, будто так ему станет легче.

— Я правда не хотел, чтобы всё становилось чем-то большим. Это пугает меня.

— А знаешь, что пугает меня, Микаэль? — тихо спрашиваю, подходя ближе. — То, что я позволила тебе хоть немного приблизиться. Что я увидела в тебе что-то большее, чем набор красивой внешности и трусливых инстинктов.

Он вздыхает. Его лицо на секунду становится жёстким, ему явно неприятно от моих слов, но я хочу, чтобы ему было больно. Я хочу, чтобы он почувствовал хотя бы часть того, что чувствовала я.

Картер молчит, я вижу, что он хочет что-то сказать, он

явно зол, но он молчит. А эта пауза между нами кричит.

— Ладно, — глухо говорит Мик.

Он поворачивается и берётся за ручку двери. Я смотрю ему вслед, и во мне борются два чувства: облегчение и пустота. Но перед тем, как выйти, он замирает и оборачивается через плечо. Плечи напряжены, пока я продолжаю надеяться, что он просто молча уйдёт.

— Я только хотел хотя бы попытаться. Мы ведь всё равно не сможем избегать друг друга вечно, — он отворачивается к двери. — Наши друзья женятся, и нам придётся как-то поладить. Ради них.

Я смотрю в его спину, на этот спокойный, будто уставший силуэт, и чувствую, что опять готова ударить его. С чего он решил, что я так просто соглашусь с ним?

— Поладить? — переспрашиваю медленно, словно это яд. — Ты действительно это сказал?

Он снова оборачивается, и во взгляде больше нет злости, только что-то, похожее на сожаление. Но я ему не верю, потому что, если я поверю ему — я не знаю, что будет со мной. Я вряд ли снова найду силы на то, чтобы собрать себя после того урагана, что он оставляет за собой.

— Лили, я не прошу тебя стать лучшими друзьями, я просто

— Ты просто хочешь, чтобы я сделала твою жизнь проще? — резко перебиваю. — Чтобы из вежливости не портила посиделки? Чтобы сидела рядом и делала вид, что не была

влюблена в тебя? Чтобы делала вид, что ты не душишь меня своим присутствием?

Твою же мать.

Я правда сказала это?

Мик опускает взгляд, явно не зная, что сказать, пока я чувствую, что этот вулкан внутри меня всё же извергся.

Ну и пусть.

— Пошёл к чёрту ты и твоё перемирие, — шепчу. Мне хочется выкрикнуть эти слова, но сил не осталось.

— Я не хотел, чтобы всё вышло вот так, — тихо произносит он. — И я не знаю, как это исправить.

— Никак, — выдыхаю. Пожалуйста, пусть он просто уже уйдёт! — Я не твоя проблема, Картер. И не твой друг.

Он долго смотрит на меня, а потом наконец кивает, всё же принимая мой приговор.

— Хорошо, Лили. Я понял.

Он выходит из кабинета, на этот раз не оборачиваясь.

Я чувствую себя разбитой. Он не должен так влиять на меня.

Я замирала каждый раз, когда он произносил моё имя. Всю весну я бредила им, желая, чтобы он хоть раз обратился ко мне, представляя, как бы это было.

А сейчас

Повторяю про себя снова и снова, что ненавижу его, пытаюсь убедить себя в этом. Я его больше не люблю. Я его не любила. Он лишь слегка нравился мне, верно? Просто лёг-

кое помутнение рассудка.

Я была влюблена в образ, а не в него.

Смотрю на часы на стене. Половина моего времени, отведённого на ланч, уже прошла, но ещё недавно голодная, сейчас я не смогу и кусок в горло запихнуть — мне кажется, меня тошнит.

Я сажусь обратно за рабочий стол и достаю из сумочки пузырёк с таблетками и, немного поразмыслив, закидываю сразу пару в рот и запиваю их водой.

Кажется, если не они, я точно сойду с ума.

Проклятый Микаэль Картер.

Даже не сразу после его ухода я позволяю себе выдохнуть. А когда делаю это, у меня получается не с первого раза. Глубоко, резко, как после погружения в воду. В груди всё ещё пульсирует злость. Или, может, отчаяние. Я не уверена.

Чёрт бы его побрал.

Я складываю руки на столе и прячу в них голову, на минуту прикрывая глаза. От стука в дверь я невольно вздрагиваю.

Это Мэтт — работник приюта, который сегодня помогает организовать фотосессию. Он заглядывает в кабинет с осторожной улыбкой, в руках у него бумажный пакет из кафе за углом.

— Эм кто-то из игроков попросил передать, — он кивает на пакет в его руках. — Сказал, вы не успели пообедать.

Я смотрю на пакет, потом на Мэтта. У меня в голове крутится только одно: **Мик.**

Хочу смеяться, кричать и плакать одновременно. Вот какие чувства он вызывает у меня.

В горле пересыхает, когда я снова думаю о Картере. В животе урчит — я действительно не ела. Но эта забота сейчас не кажется доброй. Она будто вонзается мне под рёбра как ещё одно напоминание, что он знает, как зацепить меня, даже не глядя в лицо.

— Спасибо, — тихо говорю я, забирая пакет. Пальцы цепляются за бумагу слишком сильно.

Мэтт улыбается чуть неловко и исчезает за дверью.

Я остаюсь одна, снова. Только теперь в руке держу доказательство того, что он всё ещё думает. О чём-то. Обо мне. Или просто пытается загладить вину?

Бросаю пакет на стол, как будто он обжёг ладони, и, наконец, позволяю себе опереться о край стола и снова закрыть глаза.

Нет. Я не расплачусь.

Я не дам себе этого.

Пауза. Один вдох. Другой.

А потом я открываю глаза и шепчу:

— Чёртов сэндвич. Чёртов Картер.

Я кусаю его с остервенением, ненавидя себя за то, что снова сдаюсь, даже если это просто сэндвич, купленный им. Я не собираюсь играть в его игры, но и уступать не собираюсь.

Оказывается, я любила рутину. Сама не ожидала от себя

такого. Эта самая рутина помогала мне сосредоточиться на жизни, назовём это так. Встречи с Грейси за ланчем или по пятницам после работы, пилатес два раза в неделю и просмотр ромкомов в гордом одиночестве. Согласна, последнее звучит немного жалко. Но вот часть меня всё ещё любила спонтанность.

Именно поэтому я согласилась на девчачью поездку в Нью-Йорк на выходные. Мы с Грейс должны были сесть на поезд и отправиться к Айлин, но в последний момент наши планы поменялись. Грейс плохо себя чувствует, поэтому в поезд я сажусь в одиночестве.

Я устраиваюсь поудобнее, включаю в наушниках свой плейлист и достаю электронную книгу, не планируя отрываться от нового романа. Так или иначе, моя подруга добилась своего, и теперь я была просто зависима от любовных историй. Помимо горячих сцен больше всего мне нравился счастливый финал в каждой из них. Другие я просто не читала. Мне нравилась эта наивность, та реальность, в которой несмотря на трудности герои всегда находили путь друг к другу. Кажется, я стала неисправимым романтиком.

Бостон провожает меня рекламными щитами вдоль трассы, идущей параллельно железнодорожным путям. И мне совсем не нравится, когда на одном из них я вижу фото чёртового Микаэля Картера, приглашающего на домашние матчи команды.

Желая как можно быстрее выкинуть его из головы, что,

кстати, тоже было моей рутиной, я погружаюсь в книгу. К несчастью для меня, мой мозг устроен немного по-другому, и почему-то мысленно я то и дело возвращаюсь к Картеру. То сравниваю его с главным героем, а то и вовсе представляю Мика на его месте. Это кажется таким несправедливым, а ещё немного унижительным. Я безнадежна.

Поэтому я обращаюсь к другому моему лекарству от мыслей о Картере: к тру-крайм подкастам. Бросаю свой роман и включаю на телефоне новый выпуск. Так-то, Микаэль.

Я пребываю в Нью-Йорк в полдень, и улыбка сама появляется на моих губах, когда я встречаю Айлин Рейвен. Мы визжим, когда обнимаем друг друга при встрече, словно не виделись буквально неделю назад.

— У меня есть подарок для тебя, — произношу между нашими попытками задушить друг друга в объятиях. Наверняка мы выйдем сумасшедшими со стороны, но мне всё равно.

— Я люблю подарки, — Рейвен улыбается во всю, и мы направляемся к выходу с вокзала.

— Ты, я — начинаю, — и два билета на шоу «Супер Майк» сегодня вечером.

— Нет, — девушка качает головой, остановившись, словно не может в это поверить.

— Да, — я киваю, наблюдая за спектром эмоций на её лице: чистый восторг и восхищение.

— Как тебе это удалось?

Я улыбаюсь и пожимаю плечами. Мы обе давно охотились за этими билетами.

— Оказалось, я знаю одну девушку, которая знает парня, который, в свою очередь, знает организаторов.

— Вау, — смеётся Айлин. — Грейс возненавидит нас.

— Твой брат убил бы нас, если бы мы затащили её на это шоу, — смеюсь я.

— Тебя — точно.

Город встречает меня привычным шумом, бесконечными сигналами машин и таким быстрым ритмом, словно здесь установлен запрет на малейшую возможность замедлиться.

Нам везёт, потому что сегодня солнечно, что означает, что можно погулять подольше. Деревья вдоль улиц петрят золотистыми и охровыми оттенками, ветер гоняет по тротуарам сухие листья, и всё это выглядит так кинематографично. Солнечный свет отражается в стеклянных фасадах домов так ярко, что иногда приходится щуриться. Я бывала в Нью-Йорке раньше, но, клянусь, каждый раз что-то здесь всё равно восхищает меня.

— Я скучала по этому, — признаюсь, когда мы с Айлин идём по улице, лавируя между людьми.

— Но Нью-Йорку или по мне? — тут же уточняет она.

— Не льсти себе. Конечно, по Нью-Йорку.

Я шучу, и она знает это, но всё равно фыркает и толкает меня плечом.

Жизнь вокруг нас кипит: кто-то спешит с пакетами после

шопинга, где-то неподалёку играет саксофонист. И толпы, просто огромные толпы туристов повсюду: одни фотографируются на углу улицы, пока другие встают посреди тротуара, раздражая местных. Оказываясь в этом хаосе, я чувствую одно и то же каждый раз: будто этот город слишком огромный и шумный, такой хаотичный, но именно поэтому мне и хочется затеряться в нём.

Шоу «Супер Майк» представляет собой масштабное танцевальное представление, основанное на одноимённом фильме. Труппа время от времени гастролирует по крупным городам и состоит исключительно из одних мужчин. Горячих, полуголых мужчин, танцующих развратные танцы, под стать их внешнему виду. Стоит ли говорить о том, что мы с Айлин были в предвкушении?

И это предвкушение оправдалось в первые же секунды шоу, когда на сцене появился первый танцор.

— Господи боже, — шепчет моя подруга, прежде чем сорваться на визг вместе со всеми женщинами в зале.

Я только успеваю сделать глоток своего безалкогольного коктейля, как этот мужчина начинает медленно расстёгивать рубашку под оглушительный женский вой, раздающийся со всех сторон.

— Да вы издеваетесь, — вырывается у меня почти обиженно, потому что никто не должен выглядеть настолько хорошо.

Это определённо полезно для женского здоровья, думаю я, разглядывая его очерченный пресс.

Боже, храни Ченнинга Татума, который заварил всё это.

Свет в зале постоянно меняется: то вспыхивает яркими прожекторами, то становится мягким или интимным тёмно-красным, превращая сцену в ожившую фантазию. Музыка бьёт по телу тяжёлыми басами, а вышедшие на сцену мужчины двигаются настолько уверенно, точно зная, какое впечатление производят. Спойлер: разрушительное.

Айлин вместе со мной то смеётся, то визжит, хватая меня за руку каждый раз, когда кто-то особенно нагло двигает бёдрами, а в какой-то момент я сама готова кинуться на сцену к ногам этих мужчин.

— Я сейчас потеряю сознание, — драматично сообщает она, когда один из танцоров спрыгивает со сцены прямо к зрительницам.

— Держись ради меня, солдат, — отвечаю, не отрывая взгляда от происходящего, мысленно в который раз благодаря свою подругу из колледжа за эту услугу. — Мы должны дожить до финала.

Айлин издаёт непонятный звук, а через секунду кричит вместе со всеми, когда очередной красавчик остаётся в одних брюках.

И, честно?

Не нужно даже объяснять, почему у этого шоу такая бешеная популярность.

В какой-то момент я откидываюсь на спинку кресла, позволяя себе просто наслаждаться открывшейся передо мной картиной: мужчины,двигающиеся так, будто их миссией является довести нас до экстаза своими движениями.

Почти уверена, что мужской стриптиз способен залечивать душевные раны. Иначе как объяснить тот факт, что, смотря на всё это безобразие, я чувствую себя опьяняюще счастливой?

После шоу, направляясь к Айлин домой, мы не можем перестать болтать.

— А то, как он сделал вот так? — девушка пытается повторить движения бёдрами одного из танцоров, что вызывает у нас новый приступ смеха.

— Чёрт, как же они были хороши, — стону я, качая головой, буквально чувствуя лёгкое напряжение внутри. После увиденного мне бы не помешала разрядка.

— Особенно тот тёмненький, — соглашается Рейвен. Она снова пытается повторить движение из танца, стакан с газировкой в её руках наклоняется, и я не успеваю среагировать, как она проливает содержимое на себя, вызывая у нас ещё одну истерику.

— Боже, я люблю тебя, — едва могу проговорить сквозь смех, наблюдая за шатенкой. Айлин нисколько не смущает мокрая блуза, кажется, ей совершенно всё равно.

Я чувствую приятную усталость, когда мы оказываемся возле многоквартирного дома девушки. Ноги гудят после

многочасовой ходьбы, а щёки болят от улыбок.

— Давно я так не веселилась, — хмыкаю, когда Айлин отпирает входную дверь.

Девушка арендует уютные крошечные апартаменты в дорогом районе. Здесь всего одна спальня и кухня-гостиная, но обставлено всё со вкусом. Квартира выглядит такой тёплой и живой, напоминающей саму хозяйку.

На диване, на котором я буду сегодня ночевать, лежит плед и куча декоративных подушек. На журнальном столике и на полу небрежно сложены книги, а у окна стоят растения в одинаковых керамических горшках. В воздухе пахнет чем-то цитрусовым и сладким, кажется, свечой, которую Рейвен наверняка зажигала утром.

Пара постеров в тонких рамах висит на стенах, ещё несколько фотографий с друзьями и семьёй расположились на консоли возле маленькой коллекции виниловых пластинок. Кухня у Айлин выглядит так, словно на ней действительно готовят.

Тут уютно. Мне нравится отсутствие стерильной идеальности; в этом доме, в отличие от моего собственного, ощущается тепло.

— Чур я первая в душ, — хохочет Айлин, убегая в спальню прямо в пальто.

— А как же мои права гости? Вся эта чепуха из разряда «чувствуй себя как дома»?

— Прости, — доносится её крик, — но сегодня это не

учитывается.

Я хмыкаю, снимая верхнюю одежду. Слышу, как щёлкает дверь и в душевой включается вода, а сама прохожу на кухню и наливаю себе стакан воды, разглядывая фотографии Айлин, прикреплённые к холодильнику магнитами.

Немного переписываюсь с Грейси, когда через пять минут раздаётся звонок в дверь, заставляющий меня вздрогнуть.

Уже поздно, и я сомневаюсь, что Айлин ждёт кого-то. Мне явно стоит пересмотреть своё отношение к тру-краймам, потому что мысленно я уже рисую себе маньяка, поджидающего меня за дверью. В чёрном капюшоне, с ножом или топором.

Но всё же я беру себя в руки, подхожу к двери и с небольшой опаской открываю её.

За ней я встречаю высокого взрослого мужчину.

К счастью, он не похож на маньяка. Во-первых, слишком красивый. Хотя я знаю обратные примеры и, учитывая то, как плохо я разбираюсь в людях, я наверняка бы уже стала жертвой. Во-вторых, в руках у него нет ножа, которым он бы мог зарезать меня. Пока что.

— Привет, красивый незнакомец, — говорю я и замечаю растерянность в серых глазах мужчины, потому что он явно не ожидал увидеть здесь кого-то вместо Айлин. Я бесстыдно разглядываю его, сканируя взглядом. Ладно, даже если он и окажется маньяком — я не против.

— Привет, — он наклоняет голову. — Айлин дома?

— А ты?.. — я вскидываю брови, по-прежнему держа его на пороге.

— О, — он протягивает руку, на которую я плююсь. — Оуэн. Оуэн Хейвен, э-э друг Айлин.

И тут до меня доходит. Мистер Горячий, о котором говорила моя подруга, прямо передо мной!

Он выглядит немного иначе, чем на фотографиях в Интернете, что я видела когда-то. И определённо точно не просто возмужал, но и повзрослел. Мистер Горячий явно старше не только меня, но и Айлин.

У него крупное тело, я бы даже сказала огромное. Этот мужчина похож на медведя, не иначе. Я задаюсь вопросом, какой у него рост. Метра два? Широкие плечи едва ли не занимают весь дверной проём, под чёрной курткой перекачаны мышцы, а ещё я вижу татуировки, что идут по бокам шеи и скрываются под одеждой.

Нет, он выглядит даже лучше, чем на фотографиях. Тёмно-каштановые волосы отрасли и слегка выются на концах. В тёплом свете коридора я замечаю в них рыжий подтон и заметную проседь на висках. Часть прядей заправлена за уши, будто он делает это машинально. На лице небрежная чуть рыжеватая щетина, которая вместе с усами делает его опасно-привлекательным.

Господи, Айлин чёртова счастливица.

— А, так ты Хейвен, — я киваю и пожимаю его большую ладонь. Тёплую, шероховатую и покрытую татуировками.

— Да, она упоминала обо мне?

Мне кажется, или я слышу в его голосе надежду?

— Разве ты не живёшь в Бостоне? — я хмурюсь. Он определённо точно теперь живёт в Бостоне, потому что стал тренером Элайджи в начале этого сезона.

— Живу, — спокойно отвечает он. — Теперь, когда я ответил на твои вопросы, я могу узнать, где Айлин?

Я прикусываю губу, складывая два плюс два. Что же

— Она в душе, но ты можешь подождать её в гостиной или, знаешь, сделать ей сюрприз.

Эта идея приходит ко мне прежде, чем я успеваю её обдумать.

Оуэн вскидывает брови, а я оборачиваюсь через плечо, чтобы схватить пальто, которое ранее сняла.

— Я только что поняла, что не нагулялась сегодня, — открываю дверь шире, быстро натягивая обувь. — Что скажешь на это?..

— Подожди, — мужчина хмурится, всё ещё стоя на пороге, серьёзно глядя на меня, — куда ты собралась?

— Я иду гулять, — кажется, слишком воодушевлённо произношу я. — Меня не будет скажем, часа два, — киваю сама себе, прикидывая, через сколько мне нужно вернуться. — Надеюсь, когда я вернусь, вы оба будете одетыми.

Оуэн Хейвен явно прибывает в небольшом шоке, наблюдая за тем, как я накидываю пальто и проверяю содержимое своей сумочки.

— Э-э, ты уверена?

— Да, рыжик, — усмехаюсь я. — Иди и устрой моей подруге незабываемый сюрприз. Мы сегодня смотрели мужской стриптиз, так что ты можешь понадобится ей.

— Что? — Хейвен моргает так медленно, будто надеется, что ослышался.

— Тебе лучше поторопиться, если хочешь застать её в душе, — подмигиваю я, проходя мимо него. — Давай, Оуэн. Ты ей нужен.

Он остаётся стоять на пороге, весь такой огромный, но явно растерянный и не понимающий, как вообще состоялся этот разговор.

— Ты всегда такая?.. — начинает он.

— Очаровательная? Да, — киваю я. — А теперь иди. Обрадуй её.

Я уже выхожу в подъезд, когда слышу за спиной:

— Айлин убьёт меня, если узнает, что ты ушла из-за меня.

Я оборачиваюсь через плечо и расплываюсь в улыбке.

— Нет, Оуэн. Она убьёт тебя только в том случае, если узнает, что ты был здесь и не зашёл. Приятно было познакомиться! Кстати, я Лили.

Он тихо выдыхает себе под нос что-то очень похожее на:

— Господи, что за чертовщина?

И, наконец, заходит внутрь.

Я усмехаюсь сама себе, поправляя пальто.

Вот так спонтанно я снова оказываюсь на улицах Нью-

Йорка глубоким вечером. Город по-прежнему шумит, явно не собираясь спать.

У Айлин роман с Хейвенем, и почему-то мысль об этом вызывает у меня улыбку. После её упоминания о знакомстве с ним я пару раз спрашивала про него, но она всегда отвечала односложными ответами, поэтому я решила не давить. Знаю только, что он извинился перед ней за ситуацию на парковке. И всё.

Я захожу в ближайшую пиццерию, прячась от ветра, и занимаю столик у окна. За стеклом город продолжает жить.

Сделав заказ, снова ищу в браузере имя Оуэна Хейвена, проводя своё маленькое исследование. Но натыкаюсь лишь на множество старых сплетен и не такое уж и большое количество свежих статей.

Вот что мы имеем: он и вправду был большой звездой хоккея, голкипером, завершившим карьеру раньше ожидаемого. Но там, где есть слава, никогда не обойдётся без скандалов. Проблемный характер, драки и алкоголь. Несколько громких романов. Таблоиды буквально следили за каждым его шагом годами.

Сплетен о нём столько, что можно слагать легенды, и мне даже становится немного жаль его.

Тем не менее, даже если я почти не знаю этого Хейвена, он располагает к себе. Есть в нём что-то спокойное и рассудительное, что-то надёжное, несмотря на этот пугающий внешний вид огромного лесоруба.

И я вижу его рядом с Айлин. Красивые люди должны быть вместе. Вот как я считаю.

Когда официант ставит передо мной пиццу и бокал газировки, я вдруг понимаю, что сижу одна в большом городе и от этого мне становится немного одиноко. Просто пусто.

Словно я, как бы помягче это сказать, лишняя.

И я ненавижу эту мысль слишком сильно.

Когда я возвращаюсь в квартиру уже совсем поздно, за полночь, Хейвена нигде не видно.

Здесь тихо, и только из спальни Айлин пробивается тусклый свет. Я стараюсь не шуметь и беззвучно разуваюсь, но почти сразу замечаю девушку — она выглядывает из комнаты, укутавшись в плед по самый подбородок. Волосы ещё влажные после душа, а щёки слегка розовые.

О, да, тут определённо кто-то хорошо провёл вечер.

— Лили — вздыхает она.

— Ты можешь ничего не рассказывать, если не хочешь,
— понимающе улыбаюсь я.

— Я хочу! — тут же возражает она. — Просто нечего рассказывать.

— Да ладно тебе, — смеюсь я, качая головой. — Я вижу, ты прислушалась к моему совету оседлать его.

Айлин закатывает глаза и плотнее запахивает плед.

— Это просто секс, — пожимает она плечами. — Когда мы встретились во второй раз, он извинился. А потом это как-то само произошло. И с тех пор мы видимся иногда.

— Теперь понятно, почему ты так часто бываешь в Бостоне, — подмигиваю я, проходя мимо неё к гостиную.

— Это просто секс, — упрямо повторяет подруга. — Между нами есть химия, но ничего большего.

— Ради всего святого, этот мужчина приехал из Бостона, — я убираю с дивана подушки, а Айлин присоединяется ко мне. — Наверняка после работы. Ты правда думаешь, что дело только в сексе?

— Может, это потому что я хороша в постели?

На этот раз я смеюсь уже в голос.

— Детка, я в этом и не сомневаюсь, — подмигиваю ей, — но подозреваю, что это не единственная причина.

Айлин качает головой, явно не желая развивать тему.

— А ты вообще ненормальная, — вздыхает она, переключаясь на меня. — Я не знала, что он приедет. Куда ты ушла?

Невинно улыбаюсь, пока мы вместе расстилаем мне простынь.

— Я захотела пиццы.

— Ты захотела пиццы? — скептически повторяет девушка. — Ночью?

— Ночью, — невозмутимо киваю я. — Так у вас был жаркий секс?

— О боже, — стонет она, а я смеюсь, наблюдая, как она краснеет.

— Был, — довольно улыбаюсь я, всё понимая. — И где твой приятель с привилегиями? Ты что, выгнала его? Между

прочим, я могу уйти гулять и утром тоже. И днём. Чтобы вы успели ну, знаешь, насладиться друг другом. Я очень понимающая подруга.

Айлин прикрывает лицо ладонями, вздыхая.

— Не верю, что ты правда предлагаешь это.

— Хоть у одной из нас должна быть личная жизнь, — я подмигиваю, моё спальное место готово, и я направляясь в ванную. — Надеюсь, вы хотя бы убрали за собой.

— Лили! — доносится мне вслед её возмущённый крик.

— Я тебя ненавижу.

— И я тебя люблю.

Посылаю ей воздушный поцелуй и закрываю за собой дверь.

На моих губах снова играет улыбка, пока я смотрю на своё отражение в зеркале. Мне правда хорошо за неё. Настолько, что внутри становится тепло от мысли, что Хейвен делает её счастливой.

Кто же знал, что сводить людей так приятно.

Я умываюсь, когда чувствую *это*.

Одиночество, что ощущается сильнее всего не тогда, когда ты одна, а когда тебя окружает чужое счастье. Как сейчас. Особенно когда сама так отчаянно и старательно убеждаешь себя, что тебе никто не нужен.

Глава 3

Лили

В детстве я любила День благодарения. Он пах корицей, шумом, тостами и индейкой, которую мы всё равно не доедали.

Но сегодня

Я собиралась праздновать его в одиночестве. Не поехала домой и отклонила предложение Грейси отпраздновать с ними. Я звучала так правдоподобно, что сама почти поверила в собственную ложь.

«Устала после работы. Мне просто хочется тишины.

Да, всё в порядке».

Утром я всё же отправилась в магазин, полагая, что судьба, может, сжалится и пошлёт мне готовую индейку. Хотя бы кусочек. Но судьба решила оставить мне на выбор консервы или сэндвич с индейкой в пластиковом контейнере.

Я выбрала сэндвич. *Снова.*

Поэтому сейчас я сосредоточилась на приготовлении тыквенного пирога.

Полстакана сахара — готово. Соль на кончике чайной ложки — есть.

А вот как измерить собственные чувства? Из каких ингредиентов состоят они? Четверть разочарования и щепотка тревоги, чтобы подпитать тесто? Чтобы всё это росло, пузырилось обидой и поднималось во мне.

Готовка была для меня своего рода медитацией. Пока я замешиваю тесто, руки заняты, и можно представить, что всё хорошо. Что всё это просто ещё один четверг. Просто ещё один день, который нужно пережить перед тем, как, я надеюсь, станет лучше.

Я собиралась провести вечер в компании своего пирога, пледа и, возможно, какой-нибудь мелодрамы с молодым Хью Грантом или Мэттью Макконахи. Я ещё не определилась, кто станет моей парой на вечер, оба варианта были слишком хороши.

И никаких разговоров. Никаких вопросов. Только одеяло и предсказуемый сюжет на экране.

Но, наверное, где-то глубоко внутри часть меня скучала по этой семейной суете во время праздников, когда я не пыталась притворяться кем-то другим. Но это было так давно.

Готовлю почти машинально, мысли витают где-то далеко, и лишь звук работающего блендера рывком возвращает меня в реальность. Добавляю в тыквенное пюре для начинки специи: корицу, имбирь, гвоздику и мускатный орех. Сразу же пахнет уютом и осенью.

Пахнет домом детства, в который теперь не хотелось возвращаться.

Продолжая готовить начинку для пирога, я стараюсь не думать, хотя мыслей в голове больше, чем ингредиентов в рецепте.

Останавливаюсь только когда отправляю пирог в духовку. Смотрю на себя в отражении поверхности дверцы и вздыхаю — волосы собраны в небрежный пучок, фартук в муке, под глазами тени, а лицо я выгляжу как обычно, но ощущаю себя не очень. Усталой? Пустой? Жалкой? Наверное, всё сразу.

Сажусь на кухонный стул и поджимаю под себя ноги, просто глядя на таймер на духовке. Я бесцельно листаю ленту в социальных сетях: семейные фото, рецепты и чересчур длинные посты о всём хорошем. Слишком много благодарностей.

Наш приют не исключение — многие берут животных именно в праздники, и заголовок поста гласит: «Подарите дом тем, кто не может сказать «спасибо», но чувствует благодарность всем сердцем». Я ставлю лайк и пролистываю дальше.

Звучит таймер, прерывающий меня от бесконечного листания рилсов. Я проверяю пирог — он готов, красивый и румяный, и я ставлю его остывать. Достаю с полки холодильника купленный сэндвич с индейкой. В тишине откусываю кусочек и тут же морщусь. Слишком много соуса и мало вкуса. *Что ж, почти как метафора моего дня.* Где-то на подкорке появляется мысль, что, эй, а сэндвич от Картера был вкуснее, но я вытесняю эту мысль быстрее, чем начну её анализировать.

Медленно пережёвывая кусок, я сомневаюсь лишь секунду.

— Ладно, — шепчу сама себе, выкидываю недоеденный сэндвич и гляжу на пирог. — Только потому, что ты получился таким красивым, мы идём в гости.

Это и, может быть, потому что Грейс любит мои пироги.

Резким движением встаю, чтобы не передумать, и иду собираться. Перед самым выходом из дома, с колебанием пишу подруге: «Надеюсь, у вас останется кусок индейки для меня».

На улице уже смеркается. Дороги заледенели, и таксист ворчит, ругая погоду и гадая, когда пойдёт первый снег, пока я с ужасом кутаюсь в шарф. Кажется, я не была готова к тому, что холода наступят так скоро. Я была южной девчонкой, какой снег?

В салоне было тепло, но я всё равно дрожала, то ли от холода, то ли от собственного внезапного решения.

За окном проносились улицы, дома с уже развешанными гирляндами, тёплый свет от которых бликовал на стекле, и редкими тыквами на ступеньках, оставшимися от осеннего декора, покрытыми изморозью.

Боже, почему так холодно?

Прижимаю к себе форму с пирогом, как нечто драгоценное, пирог не успел до конца остыть и согревал меня.

Когда машина сворачивает ещё раз, я начинаю узнавать знакомый квартал и чувствую, как что-то скручивается в

груди. Дом Грейс и Элайджи, двух безнадежно влюбленных и до жути стабильных людей, стоял на углу улицы. Фонарь на крыльце отбрасывал мягкий свет, а осенний венок, который мы с Грейси покупали вместе, с оранжево-золотистыми листьями и миниатюрными тыковками висел на двери. Вот-вот она сменит декор на зимний, как и все в округе.

Я вылезая из автомобиля, поблагодарив водителя, и стараюсь не навернуться на подмерзшем асфальте. И вот так я оказываюсь на крыльце с пирогом и стучусь в дверь. Мне вдруг кажется, что весь этот уют, весь этот праздник — не про меня и было бы лучше остаться у себя. Но, возможно, попытаться всё же стоит.

Элайджа открывает дверь практически сразу, у него на лице лёгкая улыбка — зрелище, к которому я так и не могу привыкнуть.

— Это Лили! — кричит он в дом, пропуская меня. — Добро пожаловать.

— Привет. Надеюсь, я не сильно помешала.

— Ни за что! — слышится голос Грейси за его спиной, её лицо озаряется теплом, и подруга принимается обнимать меня. — Ты пришла, — шепчет она мне на ухо. — Я надеялась на это, но не хотела давить.

— Пирог оказался слишком большим.

Стараюсь улыбнуться, снимая куртку, изо всех сил желая почувствовать себя лучше. Этот дом дышит теплом, и мне хочется стать частью этого.

— Располагайся. Я оставила тебе порцию индейки, она в холодильнике. Поставь пирог туда, где фрукты.

Я благодарно улыбаюсь, направляясь на кухню, наполненную мягким светом. Грейс и Элайджа сделали небольшую перепланировку, и кухня теперь стала более изолированной. Мне нравилось открытое пространство, что здесь было раньше, но моего мнения никто не спрашивал.

Я застываю, когда вижу человека, стоящего у холодильника. Микаэль. Он захлопывает дверцу, держа тарелку в руке. И почему, когда он оборачивается, включается этот эффект, как в замедленной съёмке?

Чёртов Картер.

Конечно, он тоже тут. Стоило раньше об этом подумать. Где ещё я могла бы случайно оказаться, если не на линии фронта?

Микаэль Картер выглядел так, будто понятия не имел, какое впечатление производит. Но мне казалось, что всё он знал — и именно это злило.

Он стоял разутый на паркетном полу, в чёрной, до обидного простой футболке и обычных серых джинсах; как и я, он не выглядит празднично. Но именно отсутствие показушности сейчас зацепило мой взгляд.

Замечаю во второй его руке бутылку с пивом. Волосы чуть растрёпаны, он замирает, когда видит меня, и мы просто смотрим друг на друга. Первые полсекунды как удар. Потом — тишина.

Я сглатываю. Я не видела его несколько недель, с той самой встречи в приюте. Он почти не изменился, русые волосы растрёпаны, будто он только что провёл по ним рукой. Чёткие скулы, правильная линия подбородка и едва оставшийся с лета загар. Он выглядел по-домашнему тихо. Даже уязвимо.

Вот, что я поняла за прошедшее время: он — моя ошибка, в которую иногда я всё ещё хотела вернуться. И мне нужно не допустить этого. Но сейчас в этих светло-карих глазах было что-то он был человеком, в которого я с лёгкостью влюбилась, и который сейчас смотрел на меня так, будто сам не знал, как с этим быть.

— Не думал, что ты придёшь, — просто говорит он, без какого-либо приветствия.

— Взаимно, — мой голос совершенно лишён энтузиазма. Я стараюсь звучать не слишком громко, зная, что наши друзья поблизости.

Почему он здесь? Разве он не должен быть с семьёй, как все нормальные люди?

Концентрируюсь на тарелке в его руках и тут же восклицаю:

— Руки прочь от моей индейки!

— Ты могла бы поделиться.

— Меняю тыквенный пирог на индейку, — тут же предлагаю я и ставлю форму для запекания на столешницу.

Я подхожу ближе, выдёргивая из его рук тарелку с карто-

фельным пюре и кусочком индейки. Выглядит аппетитно и, судя по всему, готовила не Грейс — моей подруге лучше не доверять духовку.

— Не так быстро! — он забирает у меня тарелку обратно, движение натягивает ткань футболки на его груди. Той, к которой я прижималась однажды ночью. Это воспоминание заставляет меня отшатнуться, неуютно клопоча в груди.

Мик ставит бокал и тарелку на стол, подальше от меня, и, облокотившись на край кухонного острова, поднимает фольгу и полотенце, которыми был укрыт пирог. Поза небрежная, но взгляд слишком внимательный.

— Он не отравлен? — Картер склоняется ближе, рассматривая десерт, как будто ищет капсулу с ядом, и я не могу сдержаться и закатываю глаза.

— Я добавила небольшой микс мышьяка, белладонны и цианистого калия. Чтобы наверняка.

— И всё? — он усмехается, а затем открывает кухонный ящик, чтобы достать нож.

— Прости, стрихнин закончился.

Я обхожу его, чтобы забрать свою тарелку с индейкой, пока Микаэль разрезает пирог, на моё удивление, он делает это так аккуратно. Почему-то я ожидала, что он разрежет его кривыми кусками, но нет, он делает это ровно и неторопливо.

Но затем он берёт кусок пирога прямо в руку. Без тарелки и вилки, просто надкусывает, и вдруг

— Боже, — он низко стонет, прикрывая глаза, и на мгновение я думаю, что он делает это намеренно. Но он ест его так, словно изголодался. Челюсти движутся размеренно, с наслаждением, будто это действительно лучший кусок тыквенного пирога в его жизни.

Я стою, скрестив руки на груди, и просто наблюдаю, как он смакует каждый укус. Он ест с тем же усердием, с каким, кажется, живёт: делает это шумно и напоказ, не заботясь, испачкал ли пальцы. В другой раз я бы закатила глаза и отвернулась, но сегодня я замираю. И мне не нравятся чувства, что зарождаются внутри меня. То, как непривычно видеть его здесь, в свете лампы, в такой домашней атмосфере, с моим пирогом в руках. Как будто я случайно заглянула в ту версию своей жизни, которая не произошла.

Мне приходится напоминать себе, что я ненавижу его, но даже с этой мыслью в голове, я почему-то продолжаю пялиться на него.

Он поднимает взгляд и на секунду встречается с моими глазами, но я тут же отвожу свой, чувствуя себя застуканной.

— Если что, — говорит он с набитым ртом, — я хочу пышные похороны. И никакой кремации.

Я смотрю на него и прикидываю, сколько лет мне бы дали за его убийство. Явно больше десяти. С другой стороны, теоретически, я бы могла спланировать это как самооборону. Я хмыкаю при мысли об этом, отчего-то уже представляя, как именно всё можно устроить. Возможно, мне стоит перестать

слушать тру-крайм подкасты по утрам, чтобы взбодриться.

— Я распоряжусь, чтобы тебе построили склеп. Желательно, на отдалённом острове.

Он смеётся, облизывая губы от крошек, и мне не нравится, что это простое действие вызывает во мне.

Он неотрывно смотрит на меня, с тем прищуром, который я хорошо помню, и я проклинаю своё тело за дрожь, что проходит по коже, как от предчувствия. Или, скорее, воспоминания.

— Видишь, мы начинаем ладить.

— Тебе кажется, — вздыхаю, отворачиваясь. Убираю плёнку с тарелки и ставлю её в микроволновку. Разум кричит убираться отсюда как можно скорее. — Если бы я знала, что ты здесь

— Но ты пришла ради индейки. Моё общество прилагается в придачу. Как подарок с подвохом.

— А ты? Ты здесь по приглашению или вломился, учуяв запах еды и алкоголя?

— Ауч, — он театрально хватается за сердце. — Могла бы хоть немного притвориться, что рада меня видеть.

— Вау, вы всё ещё не поубивали друг друга? — слышится голос Айлин, появляющейся в дверях с кружкой в руках, в уютном свитере и с тенями под глазами.

Я сразу подхожу к девушке, чтобы приобнять её. Она выглядит бледной — заболела прямо перед праздником.

— Ты как? — шепчу.

— Удивлена, что ты всё ещё не заколола его вилкой, — она слабо улыбается, отстраняясь.

— Ты мне помешала, — смеюсь, доставая из микроволновки разогретый ужин.

Индейка выглядит как из рекламного ролика, подрумяненная и сочная, с золотистой корочкой, от которой идёт пар. Точно лучше моего несчастного сэндвича. Пахнет розмарином, чесноком и чем-то сладковатым. Я вдыхаю этот аромат, снова улыбаясь.

Откусываю кусочек, ещё горячо, но я не могу удержаться — это очень вкусно.

— Я тебя люблю, Айлин, — искренне шепчу девушке, пережёвывая.

— О, — она хихикает. — Я плохо себя чувствовала, и индейку готовили парни под моим присмотром.

Резко перестаю жевать и, замирая, перевожу взгляд на усмехающегося Мика, лениво прислонившегося к кухонному острову.

— Я не забыл добавить стрихнин, — подмигивает он. — Приятного аппетита, флаффи, — говорит он и исчезает в гостиной, оставляя за собой запах парфюма и ощущение моего приближающегося нервного срыва.

Ещё одно из воспоминаний, оставшихся в прошлом.

— Напомни, почему вы дружите? — бурчу, снова сосредотачиваясь на тарелке.

Я отказываюсь верить, что Микаэль способен приготовить

индейку так хорошо.

Айлин слабо смеётся, пожимая плечами.

— Он довольно милый, на самом деле.

— Ощущение, что вы все под массовым гипнозом, — фыркаю, отправляя в рот ещё один кусочек. Мясо получилось безупречным и, надеюсь, это заслуга Элайджи.

Я прикрываю глаза, наблюдая, как трое моих друзей и один недруг играют в «Шарады». Элайджа что-то объясняет сестре, а Грейс смеётся над его попытками.

Я держу в руках бокал вина, но пока не сделала ни одного глотка. Мик, тот самый недруг, возвращается и садится рядом, он выходил в другую комнату, чтобы поговорить по телефону. Он садится на расстоянии, но всё равно слишком близко. Почему у меня ощущение, будто его последний извинений словно и не существовало? Да, прошёл почти месяц, но всё же.

— Если тебе неудобно, могу пересесть.

— Тебе не нужно спрашивать, просто уйди, — холодно смотрю на него.

— Легко, — говорит он, но не отсаживается. — Но тогда ты подумаешь, что выиграла.

— Я не веду никаких игр.

— Ведёшь, — спорит он. — Или это война. До сих пор не понял, в какой мы фазе.

Перевожу взгляд в сторону, делая вид, что слушаю, как

играют друзья, но чувствую, что плечи напряжены.

— Я предпочитаю ту, где ты не приближаешься ко мне.

Он усмехается.

— Ты правда веришь в это? — его лицо становится серьёзным.

— Не строй из себя психолога, Микаэль. У тебя плохо получается.

— Столько агрессии в этом маленьком теле.

— Держись своей стороны дивана, если не хочешь получить ещё одну пощёчину.

Поднимаюсь с места и просто направляюсь на кухню. Мне нужно побыть одной и отдышаться.

Слышу, как вслед мне доносится:

— А если хочу?..

Оказавшись одна на кухне, я прячусь за перегородкой и прикрываю глаза, сжав кулаки. Пытаюсь делать дыхательные упражнения, чтобы выровнять дыхание, но голоса на фоне сбивают меня. Они звучат как будто громче, чем должны, они давят, мешая сосредоточиться.

Вдох. Выдох. Считаю до пяти.

Чёрт, ничего не выходит.

Я правда не собиралась это делать.

Но смотреть, как все счастливы, оказалось почти невыносимо. Так же больно, как если бы я осталась дома в одиночестве. А потом ещё и Мик — с этой дурацкой ухмылкой на лице, будто не было той ночи, не было меня. И вдруг мне

стало совсем не по себе. Как будто он часть картинки, а я только лишний пазл.

Я чувствовала себя жалкой и отчаянно притворялась, что это не так.

Пальцы сами нащупали в кармане маленькую таблетницу. Я долго смотрю на неё, словно это что-то другое. Словно могу противостоять ей.

Но пальцы открывают крышку. Таблетка — на язык. Глотаю её и запиваю водой. Медлю, останавливаясь, смотря на полный бокал с вином. Я налила его ранее из вежливости, из привычки, просто чтобы держать.

Я замираю.

Говорю себе, что нет ничего страшного, но это глупо. Я знаю, что нельзя. Знаю, что не должна, но всё же стою, вцепившись в него обеими руками.

Я никогда раньше не мешала транквилизаторы и алкоголь, но сейчас это казалось мне кнопкой «выключить». Тихой, невидимой, обманчиво спасительной.

Говорю себе, что не хочу напиваться, мне просто хочется тишины. Чтобы внутри стало тише.

Мозг даёт отпор, но я уже преподношу бокал к губам.

— Только сегодня, — шепчу в темноту, будто оправдываюсь. — Я просто хочу выдохнуть. Пожалуйста.

Мои слова звучат как молитва, бокал дрожит в руке, а затем я опустошаю его, быстро, без каких-либо церемоний.

Ставлю его обратно на столешницу слишком резко, и

стекло издаёт звук, будто это предупреждение.

И я верю себе, что это первый и последний раз. Или делаю вид, что верю. Но чувствую себя ребёнком, пойманным на вранье.

Чувствую, как алкоголь знакомо согревает всё внутри меня. И вот теперь всё мягче. Глуше. Как в ванной с головой под водой. Но звук становится приглушённым лишь на мгновение, чувства хоть и смазаны, но я понимаю, что это не стоило того.

Потому что всё по-прежнему больно — просто тише.

Я знаю, что нельзя. Я не глупая. Вернее, глупая, но не настолько. Я просто просто хотела, чтобы чувства внутри меня могли исчезнуть. Хотя бы на вечер.

Сначала ничего не меняется, только тепло в горле и животе, но в пальцах появляется лёгкая дрожь, как после кофе натошак.

Голова начинает кружиться, и я чувствую, как по спине прокатывается холод. Сердце будто сбивается с ритма, и я хватаюсь за столешницу, смотрю вниз. Крошки от пирога остались на полу.

А потом будто кто-то выключает звук. Я начинаю чувствовать себя так, словно выпила не меньше бутылки. Смех из гостиной становится вязким и глухим, а свет слишком тёплым.

Кажется, словно я замираю, но внутри что-то продолжает ныть. Сердце так сильно грохочет в ушах, что мне становится

страшно, но я не могу понять — бьётся оно слишком быстро или, наоборот, медленно. Веки слипаются, а стук сердца стучит где-то вдалеке.

Я усмехаюсь, чувствуя себя слишком глупой, это того не стоило.

Чувствую себя чужой.

Но затем, меня накатывает волна — моя боль, злость и одиночество наконец-то отступают.

Я опираюсь локтями о столешницу и накрываю лицо ладонями.

— Всё хорошо, — шепчу сама себе. Но это обман.

Выпрямляюсь и делаю глубокий вдох.

Всё под контролем. Нужно просто выйти, улыбнуться и делать вид, что всё хорошо. В этом я хороша.

Когда я возвращаюсь к друзьям, свет кажется слишком ярким, смех — слишком громким, и голова тут же начинает раскалываться, будто по ней реально долбят молотком.

Передо мной мелькают лица, руки с бокалами, а я будто в аквариуме, и всё происходит за стеклом, а не на расстоянии вытянутой руки.

— Лили! — Грейс машет рукой. — Мы как раз спорим, кто из всех хуже готовит: я или Элайджа.

— Очевидно, ты, — бормочу я, голос, на удивление, звучит ровно. Тише, чем я хотела, и ощущается так, словно не принадлежит мне. — Я напилась, — добавляю, опережая вопросы.

Грейс смеётся и хлопает меня по плечу, и я чуть не вздрагиваю — прикосновение ощущается как разряд тока.

Я опускаюсь на диван, уже не заботясь, рядом с кем мне сидеть.

Но никто не замечает перемен во мне, никто не видит. Все смеются над шуткой Айлин, и я улыбаюсь.

И всё было бы нормально, если бы не этот взгляд.

Мик. Он сидит на другом конце дивана, держит бутылку пива у губ, но не пьёт, просто смотрит. В упор, словно сканирует.

Смотрю на него, и не могу понять, что вижу в его взгляде — это не ухмылка и не насмешка, это что-то другое.

Я отворачиваюсь, слишком резко — мир едва не кренится, и смешок вырывается из меня. Пальцами я нащупываю плед и зарываюсь в него, ощущения приятные и дарят какую-то опору.

Слова плывут. Грёбанный вальс из фраз и лиц, и я прикрываю глаза, откинувшись на спинку дивана.

Мне в руку вставляют стакан и, придерживая, поднимают к губам. Слава богу, это вода.

— Как ты успела так накидаться?

Это он.

Его голос совсем рядом, и я открываю глаза. Жмурюсь, голова по-прежнему кружится, но я замечаю, как это он придерживает стакан с водой для меня. И это точно не жест, который я ожидала от Микаэля.

Пальцы, что касаются моих, вдруг начинает жечь.

— Это ты так действуешь на меня, — шепчу, прежде чем выпить всю воду. Жадно глотаю, и тонкая струйка проливается мимо, скользит по подбородку.

Я снова прикрываю глаза и улыбаюсь, проваливаясь в сон, надеясь забыться.

Но и в нём мне снится кошмар.

Я просыпаюсь от запаха кофе.

Голова гудит, и я чувствую себя такой опустошённой.

Поднимаю голову с подушки, хмурясь. Это не мои наволочки. Моргнув пару раз, пытаюсь сообразить, где я. Наконец, узнаю светлые стены и плед, которым я укрыта. Я в доме Грейс и Элайджи.

А затем я вспоминаю вчерашний вечер. *О боже.*

Я поднимаюсь и мой взгляд падает на зеркало — выгляжу как свидетель преступления. Макияж расплылся в некое подобие панды на отходняке, а от меня несёт вином.

Я никогда, совершенно никогда, даже после самых долгих вечеринок не засыпала с макияжем и в одежде. И уж точно не чувствовала себя так, словно меня переехали несколько раз, а потом словно ещё и сбросили с высоты.

Слышу тихий скрип и замечаю Грейс в дверях. Волосы собраны в пучок, а в руках чашка ароматного напитка.

— Доброе утро, катастрофа, — говорит она с полуулыбкой. — Будешь кофе?

— Я — хриплю и откашливаюсь. — Я правда уснула?

— Технически, ты уснула во время игры в «Шарады», и ничто не могло разбудить тебя.

Прикрываю глаза, вздыхая.

— Я испортила праздник, да? Убей меня. Просто убей.

Хочу исчезнуть, заползти в глубокую нору и никогда больше не вылезать.

— Не могу, Элайджа сказал быть добрее.

— Боже, и все это видели?

— Да. И Картер тоже.

Я не знаю, смеяться или умереть от стыда.

Мне хочется ей всё рассказать, так хочется, но ещё я понимаю, что просто не смогу.

— Последнее, что я помню: как он принёс мне воды.

— А потом он был тем, кто вызвался отнести тебя в спальню, спящая красавица.

— И ты ему позволила? — я стону, снова желая исчезнуть. Полный крах. И позор.

Я поднимаю глаза на подругу, в её взгляде нет осуждения, только забота. Грейси светится от счастья, в отличие от меня.

— Что плохого в том, что парень пытается наладить с тобой отношения?

— Скорее замаливает грехи.

— Игра через два часа. Пойдешь со мной?

— Ни за что! — тут же восклицаю я и натягиваю плед обратно на голову. Идея провести так если не всю оставшуюся

юся жизнь, то хотя бы выходные, кажется очень даже заманчивой.

— А если я скажу, что у тебя нет выбора? Ты мне должна.

Я непонимающе смотрю на неё, выглядывая из-за краёв пледа.

— Элайджа перенёс тебя сюда, — говорит она, и не знаю, что чувствую: облегчение или разочарование. — Я знала, что ты не выдержишь, если узнаешь, что это был Мик. Так что ты мне должна.

Глава 4

Лили

На сегодняшней игре чувствовали Ридли Максвелла. Это было ещё одной весомой причиной присутствовать на арене.

Я ведь могу сделать одно исключение для друга, верно? Даже если почти полностью разрушила эту самую дружбу.

Рид принял решение оставить профессиональную карьеру. Физически он полностью восстановился к началу сезона и даже вышел на лёд на радость фанатов. Но только его близкие знали, через что он проходит. И так, спустя всего лишь полтора месяца от начала нового сезона, он принял решение уйти.

Мы с Грейси входили в тот небольшой круг людей, которые знали об этом до того, как он сделал официальное заявление в социальных сетях. У «Бостона» как раз была серия выездных игр, поэтому сегодня, на домашней арене, многие собрались здесь.

И вот Рид стоит сейчас на льду, он в джерси команды, но уже без экипировки, без коньков. Звучит речь капитана, а на кубе крутится видеоролик с его лучшими моментами в карьере. Его голос звучит из ролика: «Я понял, что моё тело

больше не идёт в ногу с моим сердцем. И хотя лёд был моим домом, я ухожу с чувством, что сделал всё, что мог».

Грейс рядом со мной всхлипывает, как настоящая преданная фанатка, и мои глаза тоже слезятся.

Рид выглядит молчаливым и спокойным, даже благодарным, но я-то знаю, он нервничает. Первый матч без него в составе. Первая игра, где его имя в составе не прозвучало из громкоговорителей. Я хотела бы что-то сказать, но язык не поворачивается. Мы просто ждём.

Максвелл что-то говорит в микрофон, когда ему дарят памятное джерси с автографами всех игроков команды.

Весь этот момент кажется каким-то нереальным, словно происходит не с нами.

Позже, уже во время игры, я прячусь в ложе, смотря за игрой через стекло. В моих руках книга «Хоккей для чайников» — подарок Ридли, а на столе недопитый чай.

— Классное джерси, — слышится рядом, и кто-то отодвигает барный стул возле меня, подсаживаясь.

Ридли не выглядит грустным для человека, кто только что окончательно завершил карьеру в двадцать с небольшим. Я не представляю, каково ему сейчас: он годами строил своё будущее, чтобы после одной травмы всё закончилось.

— Я знаю, — улыбаюсь. На моей спине красуется его фамилия и номер в дань уважения.

— Как успехи? — он кивает на книгу.

— Пытаюсь разобраться, — перевожу взгляд с картинки

в книге на него. — Но ничего не выходит.

Глядя на Максвелла, я думаю, что нам нужно поговорить. Я чувствую, словно ввожу его в заблуждение, ведь мы так и не разговаривали о том, что произошло на Хэллоуин, хотя с тех пор пролетел месяц.

— Хочешь познакомиться с моей сестрой? — вдруг предлагает он, и я мгновенно напрягаюсь.

Кажется, время пришло, и оттягивать уже некуда.

— Рид — вздыхаю, на секунду прикрывая глаза. — Мы должны обсудить это

— Кажется, я знаю, что ты скажешь, — отвечает он и устремляет свой взгляд на лёд, и я следую его примеру. 44-й номер отдаёт передачу 95-му, Мику Картеру, и тот забрасывает шайбу прямо в ворота за считанные секунды до окончания периода. Слышится гул сирены, и арена ликует. Почему я вообще знаю, под каким номером он играет?

— И что я скажу?.. — говорю слишком тихо и перевожу взгляд на Рида.

— Что я слишком хороший и не тот, кто тебе нужен. Я прав?

Я молчу, тяжело вздыхая, что-то внутри меня падает и разбивается. Не так я хотела провести этот день.

Что ещё хуже: он прав.

— Лили?

— Ты прав. Ты заслуживаешь кого-то получше меня, Рид. Это правда, — говорю я, и прежде, чем он продолжит, про-

должаю: — Я не та, кто нужен тебе. Я эгоистична, я использую парней, а ты не такой. Ты заслуживаешь настоящей любви.

Стараюсь звучать искренне, потому что последнее, что ему сейчас нужно — лишняя драма.

Рид ничего не отвечает сразу, и мы молчим, пока я чувствую себя последней стервой. Вот только я нервничаю, ведь он не заслужил такого.

— Что за день?.. — вздыхает он после минуты молчания, и мне кажется, что вместе с ним выдыхаю и я. — Карьера завершена, а девушка, которая мне нравится, только что отшила меня.

— Мы оба знали, что так и будет, — я кладу руку ему на плечо, мягко сжимая.

По крайней мере, он ли хорошо воспринял это, или умело скрывает истинные чувства.

— Прости меня, что не сказала этого раньше и давала тебе надежду.

— Переживу, — усмехается он. — Но с тебя пицца. Ты вроде как только что разбила мне сердце, а я так и не увидел тебя в белье.

Я слегка ударяю его под рёбра, не веря в услышанное, и мы смеётся. Так-то лучше.

— О боже, ты ещё и абьюзишь меня, — восклицает он. — Ну это точно ни в какие рамки!

— Мы ведь сможем дружить? — уже более серьёзно спра-

шиваю я. Я бы не хотела терять такого друга.

— Конечно, подруга, — он приобнимает меня за шею. — Поможешь мне с описанием профиля на сайте знакомств?

— Как быстро ты забыл про меня, — я возмущённо ахаю, но с улыбкой наблюдаю, как Ридли достаёт телефон, чтобы открыть уже скачанное приложение.

Краем глаза вижу, как Грейси подходит к нам обоим, чтобы приобнять со спины, встав между нами.

— Так-так-так, — она вклинивается, глядя, как Рид показывает мне свой профиль. — Это что, «Свайп»? — она морщится. — И ты надеешься найти там кого-нибудь?

— Я хочу хотя бы попытаться, — вижу, как парень чуть краснеет, вдруг смущаясь, и я нахожу это чрезвычайно милым. Кто-то не привык обсуждать личную жизнь.

— Позволь мне найти тебе девушку, — подруга не унимается, пока я просматриваю фотографии Рида.

Он смотрит на меня, в глазах появляется вопрос, что ему ответить Грейси.

— Давайте начнём с профиля, — предлагаю я. — Поможем нашему Кену найти свою Барби.

— Можешь сходить на свидание вслепую или быстрые свидания, — не унимается Грейси. — И Лили пойдёт с тобой, чтобы тебе не было так неловко!

— Что? — я тут же отвлекаюсь от телефона, поворачиваясь к подруге. — Никаких свиданий, у меня аскеза, помнишь?

Хочу перевести это в шутку как можно скорее, пока эта идея не поселилась в их головах.

— У тебя что?.. — Ридли хмурится.

— Лили делает вид, что взяла добровольное воздержание, лишь бы я не приставала к ней по поводу личной жизни.

— Почему я впервые об этом слышу?

— Потому что это неправда, — Грейс улыбается со знающей улыбкой.

— Это правда! — спорю я. — Никаких «Свайпов», поисков кена и свиданий!

Рид наклоняет голову, с прищуром глядя на меня. Он-то видел, как я целовала Мика меньше месяца назад, но он был единственным, кто знал об этом.

Звучит сирена — скоро начнётся третий период, и Грейс предлагает нам вернуться на трибуну.

Рид охотно соглашается, но чуть медлит, когда подруга скрывается за стеклянными дверьми.

— Ты пойдёшь со мной на быстрые свидания в качестве поддержки, а я не раскрываю твой маленький секрет, — шепчет он мне, ухмыляясь.

Мой рот открывается от возмущения.

— Но зачем я тебе там? Ты и сам прекрасно справишься.

— Соглашайся, — Рид наклоняет голову, подталкивая меня к дверям из ложи. — Грейси! — начинает он, окликаая подругу, и я тут же впиваюсь в него взглядом. Отсчёт идёт на секунды, и я молниеносно принимаю это решение: мень-

шее из зол.

— Максвелл уговорил меня быть его группой поддержки на свидании, — не слишком радостно говорю я, когда сажусь возле подруги.

В отличие от меня, эти двое выглядят слишком воодушевлёнными этой идеей.

Третий период проходит за тем, что я наблюдаю за происходящем на льду, вздрагивая каждый раз, когда друзья возле меня слишком бурно реагируют на игровые моменты.

Взгляд то и дело падает на игрока с 95-й номером на спине, даже когда он ожидает своей смены на лавке.

Почему это происходит? Почему я всё ещё думаю о нём?

Вопросы, на которые у меня нет ответа, крутятся в моей голове.

Когда звучит финальная сирена, я с облегчением выдыхаю. Ещё немного, и я наконец-то снова окажусь дома.

Мы втроём возвращаемся в ВИП-ложу, и в руках я снова держу открытое приложение знакомств на телефоне Максвелла.

— Это унижительно, — стонет он, а мы с Грейс усмехаемся.

1:1, мой друг.

— Быть холостым и симпатичным? — уточняет она.

— Нет. Описывать себя, словно я пёс из приюта. Что вообще парни обычно пишут о себе?

— Привит, холост и кастрирован, — стираю слово «хок-

кеист» из его профиля.

Грейси громко смеётся над моими словами и, судя по взгляду Ридли, на секунду он верит моим словам.

Достаю свой телефон из заднего кармана джинсов. Нахожу приложение для знакомств — как же давно я этого не делала — и снова активирую свой старый профиль, чтобы мне начали попадаться мужчины.

— Вот, полистай, — передаю ему телефон.

— И кого из них мне лайкать? — друг непонимающе пялится на фотографию бородатого парня, что высветилась первой.

— Без разницы, я всё равно не собираюсь общаться ни с одним из них.

Грейс говорит, что мы можем идти, и мы медленно выдвигаемся. Я не имею понятия, куда мы направляемся, знаю лишь, что нам нужно дождаться Рейвена.

Мы с Ридом уткнулись в телефоны, каждый проводит исследование.

— Что ты написала? — спрашивает он, заглядывая в экран своего телефона в моих руках.

— У тебя есть хобби помимо хоккея? Что ты любишь? Что бы тебе самому хотелось видеть в «анкете»?

Рид задумывается, а Грейси усмехается. Вообще-то, все мы знаем ответ: Мик жил хоккеем.

— Что я нормальный? — он вздыхает. — Просто ищу кого-то, с кем можно выпить кофе в воскресенье утром без

лишней неловкости.

— После горячего секса, разумеется? — смеётся Грейс, и Рид второй раз за день чуть краснеет.

— Давайте так и напишем, — вздыхаю, качая головой. — Девочки любят искренность.

Наконец, я печатаю свой вариант:

«Бывший спортсмен. Без масок, без пафоса. Умею слушать, но не всегда знаю, что сказать. Люблю тихие вечера, честные разговоры и»

Я хмурюсь, не зная, что написать дальше, и передаю телефон Грейс, чтобы она тоже попробовала. Она здесь писатель, а не я.

Не хочу, чтобы анкета Ридли звучала чересчур самоуверенно, как у большинства парней, что раньше попадались мне. Я бы хотела, чтобы Ридли увидели таким, каким его знаем мы. Он тот, кто приедет, если тебе плохо. Тот, кто делает вид, что не умеет флиртовать, но случайно обезоружит любого. Он носит футболки с названиями старых рок-групп, хотя и не слушает их часто. Он тот, кто чаще других моих друзей появляется волонтером в приюте, не только делая щедрые пожертвования, но и помогая руками.

Рид, кажется идеальный парень.

Вот только почему-то моё сердце ёкает при мысли о другом, том, что сейчас в компании Элайджи Рейвена идёт на встречу нам.

Я опускаю голову раньше, чем успеваю поймать его

взгляд.

Грейс тут же бросается в объятия своего жениха, словно не видела его пару часов назад, а мы втроём просто наблюдаем за этим. Какая-то недоверсия любовного треугольника: Ридли, Мик и я.

Элайджа, как всегда, выглядит безукоризненно в костюме-тройке, а Микаэль на нём, чёрт побери, галстук.

Я моргаю и, конечно, он замечает моё выражением лица и улыбается. Самодовольно и чуть лениво. И выглядит он чересчур хорошо. Как будто знает, что этот дурацкий дорогой тёмно-серый костюм подчёркивает его. Костюм и правда сидит идеально, ни лишней складочки, скорее всего, сшитый по индивидуальным меркам, не сковывающий движения. Белая рубашка чуть расстёгнута у ворота — мелкая деталь, но так в стиле Картера: не выглядеть излишне правильным. Галстук тоже повязан небрежно, и у меня чешутся руки от желания поправить его.

Грейс говорила, что с этого сезона в лиге отменили обязательный дресс-код, но, по всей видимости, у Картера было своё видение. Чёртов сноб.

Его русые волосы как всегда растрёпаны, несколько прядей падают на лоб, но он не убирает их. Светло-карие глаза сканируют пространство позади нас и снова возвращаются ко мне, цепляясь за моё лицо, и я не могу понять, что вижу в них помимо жара, что подкрадывается под мою кожу и заставляет внутренности скрутиться.

— Лили, — Картер кивает мне, наклонив голову. Он неспешно, чуть криво улыбается, выглядя слишком уверенно, и я понимаю: это капкан. И ещё немного, и я попаду в него.

Я не произношу его имя в ответ, даже не киваю, просто прямо смотрю на него в ответ.

Ридли рядом прокашливается.

Боже, я правда на мгновение забыла, что он тоже здесь? Меня поражало, как на льду они могли составлять идеальные звенья, в то время как вне льда Микаэль всегда вёл себя с ним чересчур высокомерно.

— Тебя отвезти? — спрашивает Максвелл с мягкой заботой. Но зная, что его ждёт семья, я качаю головой, крепко обнимая его на прощание. — Я напишу, — просто говорит он, прежде чем покинуть нас.

Между мной и Миком повисает тяжёлое молчание, слишком неловкое и, к сожалению, так знакомое мне. Мысленно я умоляю Грейс отлипнуть от Элайджи как можно скорее.

— Новый кумир? — слышу тихие слова Микаэля, и не сразу понимаю, о чём он. — Джерси, — уточняет он и кивает на форму с фамилией Максвелла на моей спине.

— Я пришла поддержать друга, — так же тихо отвечаю я и замечаю, как он хмыкает, отводя от меня взгляд.

— А тем, кто сделал сегодня хет-трик, полагается что-то? Я моргаю. *Что?*

Подождите, он что флиртует сейчас?

— Что бы ты не хотел этим сказать, Картер, прекрати это, — резко произношу я и выдерживаю паузу, чтобы он точно понял: — Мне неинтересны твои игры.

Я повторяюсь. Он не отвечает сразу, только чуть прищуривается, словно оценивает меня, а я готовлюсь к новому удару. Но он молчит, пока, наконец, не начинает говорить:

— Может, я просто хотел сказать, что рад тебя видеть.

В голосе нет привычной насмешки, а на лице фальшивой улыбки. Он говорит так, будто это действительно правда, и мой разум делает всё возможное, чтобы не верить в его слова.

Но внутри меня всё равно что-то дрогнуло, но я пытаюсь держаться.

— Неинтересно, — снова тихо бросаю я и отвожу взгляд на друзей.

Я не выдерживаю молчания, что повисает между нами, глухое и неровное. Ощущение, что мы единственные, кто молчит сейчас — повсюду смех и разговоры других членов семьи, ожидающих своих хоккеистов, играет музыка, но я, как и прошлым вечером, не понимаю — этот фон слишком громкий или, наоборот, чересчур тихий.

Наконец, я не выдерживаю и, обращаясь к Грейси, говорю, что подожду их с Элайджей на парковке. Им всё равно придётся подкинуть меня, ведь с переездом в Бостон я осталась без машины.

Подруга возражает, но мне нужно как можно быстрее вы-

браться отсюда, только сейчас понимаю, что чувствовала, что тону, задыхаясь.

В коридоре я не сразу замечаю шагов за собой, пока кто-то не касается моего запястья, зовя меня.

Вздрагиваю, касание длилось не дольше пары секунд, но я чувствую, как на месте пальцев горит кожа.

Я оборачиваюсь. Микаэль Картер снова стоит прямо передо мной и, заметив мой враждебный взгляд, делает шаг назад. Это не помогает. Его взгляд, всегда уверенный и чуть хищный, становится мягче.

Всё равно слишком близко. Мне кажется, я сейчас задохнусь, если не выберусь отсюда — вот что я чувствую.

— Мне жаль, Лили, — говорит он почти шёпотом, будто боится моей реакции. — Правда.

Поднимаю на него взгляд и вижу: он не отводит глаз. Словно он больше не играет и не сбегает. И это пугает меня куда больше.

Я поджимаю губы и разворачиваюсь, быстрым шагом иду дальше. Мне нужно как можно скорее оказаться на свежем воздухе, потому что ещё минута, проведённая с ним наедине — и я взорвусь. Каждый шаг ощущается как последний.

— Я отвезу тебя, — слышится его голос позади.

Он всё ещё идёт за мной?

Я не оборачиваюсь, предпочитая сосредоточить взгляд на собственных ногах. Почему эти коридоры такие бесконечные? Почему свет такой резкий, а стены будто сжимаются?

И почему я чувствую, что воздуха не хватает?

— Лили, ты слышишь меня? Я сказал, что отвезу тебя, — слышится рядом.

Когда я открываю дверь, холодный поток воздуха наконец-то окутывает меня, и я делаю глубокий вдох. Однако даже это не даёт желаемого облегчения.

Но хоть и буря в животе понемногу успокаивается, голова по-прежнему раскалывается. Это всё влияние Картера, говорю я себе.

Я останавливаюсь у стены, прислонившись к ней затылком. Закрываю глаза, считаю сначала до трёх, потом до пяти. Как будто это поможет.

Но здесь хоть можно дышать.

— Лили? — снова зовёт он меня, тихо, уже менее требовательно. Мне кажется, или я слышу беспокойство в его голосе? Ого, теперь у меня ещё и галлюцинации. — Ты в порядке?

— Ты ведь не можешь просто отстать, да? — шепчу, усмехаясь нелепости происходящего.

— Могу, — слышу его голос совсем рядом. Он не отступает, хотя должно быть достаточно ясно, что я не готова к разговору. — Но не хочу.

Его слова заставляют меня открыть глаза. Тихие, прямые и совсем не извиняющиеся, они не оставляют мне другого выбора.

Он стоит совсем рядом, ближе, чем ему следует. Мне сто-

ит сказать ему, чтобы он отошёл, но я не делаю этого. Потому что глупо, но это не то, чего я действительно хочу.

Ветер развеивает его волосы, и мне хочется поправить его растрёпанные пряди, и мне не нравится, что моя рука почти тянется для этого. Только сейчас замечаю тонкую линию на левой скуле — свежее рассечение. Вижу, что он тоже устал, но не отходит от меня, слишком упёртый.

Наверное, я должна что-то сказать. Но что?

— Я не знаю, чего ты от меня хочешь, — мой голос звучит устало и хрипло.

— Я тоже не знаю, — честно отвечает он. — Но я хочу попробовать понять.

Его слова оставляют след в воздухе. Я снова безрадостно усмехаюсь, сколько попыток сохранить контроль у меня осталось?

— У меня уже нет сил спорить с тобой, — шепчу. Я хочу как можно быстрее оказаться дома, но мой взгляд продолжает теряться в его лице.

И он не двигается. Стоит и ждёт непонятно чего — неизвестно, что творится в его голове сейчас. Интересно, там тот же беспорядок, что и у меня?

— Я просто хочу домой.

— Я отвезу, — повторяет он, уже без давления.

И я смотрю на него, ничего не отвечая в ответ, просто молча иду вслед за ним по парковке, держась на пару шагов позади. Мы не говорим ни слова, и я слушаю, как стук моих

ботильонов разносится по подмёрзшему асфальту в тишине. Слышу, как он достаёт ключи и отключает сигнализацию, и я поднимаю голову, глядя на его автомобиль. Новенький чёрный внедорожник. Будь у меня силы, я бы закатила глаза — настолько это банально. Он выглядит слишком большим, слишком блестящим.

Краем глаза вижу, как он направляется ко мне, но сажусь в автомобиль быстрее и захлопываю дверь, не дожидаясь. Пристёгиваюсь и отворачиваюсь к окну. Мне по-прежнему тяжело дышать, но стало немного легче.

Закинув вещи в багажник, он занимает водительское место. Включает зажигание, и машина оживает тихим рычанием.

— Хочешь включить что-нибудь? — спрашивает он, плавно выезжая, но я отрицательно мычу.

Возле выезда с парковки, он поворачивается ко мне, спрашивая:

— Не будешь против, если я остановлюсь на пару минут? Там — он кивает вперёд, за шлагбаум и забор. — Болельщики.

Только после его слов я замечаю небольшую толпу за ограждением. Люди, кутающиеся в куртки, держат телефоны наготове, выкрикивая имя Картера, кто-то в джерси с его фамилией, кто-то с плакатом.

— Делай что должен.

Он коротко кивает, машина подъезжает ближе к шлагбауму.

му, минуя его, и приостанавливается. Он опускает окно со своей стороны, прохладный воздух проникает внутрь — кто-то тут же восклицает его имя.

Наблюдаю, как он улыбается им, просит не суетиться. В тусклом уличном свете он выглядит таким спокойным и настоящим, общаясь с болельщиками. Терпеливо фотографируется с каждым и подписывает маркером вещи, что протягивают ему: кепки, джерси и трещотки.

На удивление, меня не бесит эта заминка, хотя ещё недавно я хотела как можно скорее оказаться дома. Я просто наблюдаю, как он внимательно слушает, что ему говорят, как благодарит и даже шутит, а в ответ раздаётся смех.

Микаэль ненадолго оборачивается ко мне, извиняясь за задержку быстрым взглядом, и я отвожу взгляд, чувствуя себя так, словно меня застали за подглядыванием. Смотрю перед собой, на дорогу, где вдалеке мигает светофор. Город за окном стал совсем тёмным, уличные фонари бросают золотистые разводы в подмёрзшие лужи.

Слышу, как он прощается, и окно закрывается, после чего мы снова начинаем движение, снова молча, но внутри меня что-то меняется.

Микаэль Картер раскрылся с новой стороны, той, что упорно скрывал под маской. И я не знала, как на это реагировать, чувствуя, что ещё немного — и внутри начнёт что-то медленно оттаивать.

Машина набирает скорость, фары освещают наш путь,

слышно только шуршание шин и приглушённый гул работающего климат-контроля, когда я вспоминаю, что, наверное, нужно сказать ему свой адрес.

Неуверенно тянусь к экрану и ввожу свой адрес в навигаторе, пальцы немного дрожат, не слушаясь.

Мик держит руль одной рукой, но плечи напряжены, он не смотрит в мою сторону, не пытается завести разговор, и это странно. Улыбчивый парень исчез. Но разве это не то, чего я так ждала? Долгожданная тишина. Он не лезет, не давит, а просто подвозит меня.

— Ты часто так делаешь? — наконец, тихо спрашиваю, глядя на его профиль. Он поворачивает голову ко мне, лишь слегка, не отрываясь от дороги.

— Что именно?

— Фотографируешься с болельщиками.

— Ну, знаешь они не виноваты, что я их любимый игрок. О боже, а вот это так в его стиле.

Я тихо фыркаю и поворачиваюсь обратно к окну. За стеклом пролетают улицы, а всё, что происходит в машине, ощущается будто во сне. Так что я чувствую тепло, исходящее от него, чувствую его запах — знакомый и когда-то желанный.

— Я всё испортил, да? — его голос глухой, а я вздыхаю, не зная, что ответить.

Он говорит про ту ночь? Про молчание после? Про вчерашний день? Или про настоящее? Он говорит обо всём, что накопилось между нами?

— Я бы сказала «да», — отвечаю наконец. Первые в этом сезоне белые хлопья начинают падать с тёмного неба, приземляясь на лобовое стекло, и тут же тают. — Но если ты это понимаешь, значит, не совсем всё.

Зрелище снежинок завораживает меня, что я не обращаю внимания на то, как он хмыкает. Но замечаю, как дёргается уголок его губ. Микаэль явно удивлён моим словам.

Он поворачивает, до моего дома осталось пару кварталов, и я смотрю на него, на пальцы, сжимающие руль, на чуть напряжённую линию челюсти. И вдруг чувствую: мне не хочется выходить. Хочется, чтобы мы подольше постояли на «красном». Мне почему-то хочется ещё немного посидеть рядом, подышать этим воздухом ещё раз. Что-то в этом моменте кажется слишком хрупким и правильным.

На ближайшем перекрёстке загорается красный, и я почти с облегчением замечаю: мы останавливаемся.

Пожалуйста, просто ещё немного. Мысленно я обещаю себе, что это последний раз, когда я даю слабину. Этот воздух, этот вечер, этот снег пусть всё это побудет со мной ещё чуть-чуть.

Но меня страшно пугает, что, несмотря на всё, часть меня всё ещё хочет его в своей жизни. Просто рядом.

Снег усиливается, мягко покрывая землю, и я снова чувствую облегчение.

— С первым снегом, — говорит он вдруг, почти неслышно.

Я поворачиваю голову, он всё ещё смотрит перед собой, и это странно, что он избегает моего взгляда, будто боится испортить этот момент своим.

Но то, как звучит его голос у меня не получается разгадать, что я слышу в нём.

— С первым снегом, — повторяю я так же тихо. И только потом понимаю, что едва заметно улыбаюсь, слишком уставшая, чтобы сопротивляться этому.

Автомобиль поворачивает, и мой дом показывается на улице. Картер останавливается у обочины, но не глушит мотор, дворники стирают слой влаги на лобовом стекле, и какое-то время мы остаёмся сидеть в тишине.

Моя рука тянется к двери, и я открываю её, выхожу, тут же зябко передёргиваюсь от холода, но почему-то не ухожу, что-то внутри держит меня.

— Микаэль? — тихо зову его я, с дыханием пар вырывается изо рта.

Он оборачивается, глядя на меня.

— Спасибо, — просто говорю я, сглатывая.

Сердце болезненно отзывается.

Он ничего не говорит в ответ, лишь дёргает уголком губ, а я тихо закрываю за собой дверь.

Он не уезжает сразу. Я чувствую его взгляд на спине, когда отворачиваюсь и иду по тротуару. Только потом слышу, как резина неспешно катится по мокрому асфальту, и он уезжает, а я остаюсь стоять на месте, поднимая голову к небу.

Звук стихает, а фары исчезают за углом.

Снежинки повсюду — в моих волосах и одежде. Воздух холодный и чистый, но я остаюсь одна, пока снежинки оседают на моих ресницах, а я боюсь лишний раз моргнуть, чтобы не стряхнуть их, чтобы они таяли подольше.

Ещё чуть-чуть. Пусть он останется со мной ещё ненадолго.

И пусть это ничего не значит.

Это не прощение, не перемирие.

Пусть всё по-прежнему сложно, но в этом крошечном мгновении я чувствую себя живой.

Глава 5

Лили

Стоит мне зайти домой, головная боль возвращается. Я не придумываю ничего лучше, чем долгий горячий душ, и поэтому больше получаса просто стою под сильными струями воды, стараясь прийти в себя. И это помогает, но слабее, чем ожидалось.

Как только я закрываю глаза, лицо Микаэля Картера появляется передо мной. *Серьёзно?*

Почему он появляется в моей голове каждый раз, когда я опускаю веки?

Трясу головой, стараясь избавиться от этих мыслей. Напряжение во мне слишком велико, и, когда я оказываюсь в постели, рука сама по себе тянется к прикроватной тумбочке, выдвигая ящик. Внутри, в розовой косметичке, хранится то, что обычно я использую, чтобы расслабиться.

Нажимаю на кнопку, и характерное жужжание тут же разносится по спальне. Я снова прикрываю глаза, рукой скользя вниз по обнажённому телу. В голове опять появляется кареглазый парень. Да какого чёрта?

Открываю глаза — и он исчезает, но как только я их при-

крываю, его образ появляется вновь. Его дурацкая улыбка. Эти губы, что хочется целовать. И воспоминания о ночи, что мы провели вместе. Его руки, что касались меня.

Я стараюсь выкинуть его из головы, почему-то думаю о Ридли как о кандидате на замену, но Мик всё возвращается и возвращается.

Ненавижу его.

Вот только моё тело реагирует на воспоминания о нём, *мне не хватало его*. Хочу сказать себе, что мне не хватало секса, а не конкретного нападающего, вот только с момента нашего знакомства я не была ни на одном свидании. И, что хуже всего, не тянуло. Ни к кому. Никто не вызывал у меня ни дрожи, ни предвкушения, ни злости, похожей на ту, что я чувствую рядом с ним. Никто после него не казался мне подходящим.

Зажмурившись, подношу вибратор ближе, прижимаю его к себе, сначала сдержанно, будто пытаюсь понять, получится ли у меня отключиться. Тело сразу отзывается, я втягиваю воздух и плотнее прикладываю игрушку, чувствуя эту потребность, накопившуюся за день, за неделю, за всё то время, когда он рядом.

Я злюсь на саму себя, потому что в голове снова он. Это похоже на пытку, в которой я отчаянно твержу себе «я справлюсь без тебя».

Думай не нём. Думай о чём угодно другом.

Стараюсь думать о Ридли. Добрый, понятный, правиль-

ный Ридли Максвелл. Его ладони были бы тёплыми, а голос — спокойным. Он бы не пропадал, не играл в игры и не смотрел на меня так, будто бы видел насквозь. Каким бы любовником он был? Шептал бы мне ласковые слова на ухо?

Я пытаюсь представить его, но всё выходит неестественно. Сжимаю бёдра, но картинка распадается. Он не цепляет меня так, как Мик.

Картер возвращается. Наглый, дерзкий и слишком красивый. Мысленно я прижимаюсь к его голому торсу, вспоминаю, как его руки сжимали мою талию, как он смотрел на меня сверху вниз. И это единственное, что заставляет меня застонать вслух.

Ненавижу.

Но скучаю.

Твою же мать.

Я могу расслабиться только когда думаю о нём в этот момент. Мои бёдра подрагивают, и я усиливаю мощь, откидываясь назад на подушки. В тишине спальни слышно лишь моё тяжёлое дыхание и характерный звук игрушки.

Вспоминаю его пальцы между моих бёдер тогда, на сукне бильярдного стола в баре, и вожу вибратором кругами, мне хочется большего.

Его имя появляется на кончике языка, но я проглатываю его, крепко стиснув зубы.

— Твою мать, — шёпот вырывается у меня.

Оргазм накрывает слишком быстро, резко, как удар то-

ком, который прокатывается от низа живота и до кончиков пальцев. Я выгибаюсь, прячу лицо в подушку, и зажимаюсь, тяжело дыша.

Пульс всё ещё бьётся в висках, но вместо облегчения я чувствую пустоту.

Я выключаю вибратор, разочарованно глядя на него и, откинув его на пустую половину кровати, отворачиваюсь. Не нахожу в себе силы даже просто встать. Вытираю себя салфетками и укрываюсь одеялом, будто оно поможет мне спрятаться от самой себя.

В комнате становится слишком тихо, даже снег за окном вдруг перестаёт казаться мне красивым.

Из хороших новостей: головная боль прошла, — так что глянec был прав, когда писал, что мастурбация помогает.

Из плохих: я боюсь, что он снова начнёт сниться мне.

Утром я просыпаюсь с ощущением, будто меня вывернули наизнанку и закинули в барабан стиральной машины. Чувствую себя так, будто тело не принадлежит мне. Одеяло сбилось, а вибратор и скомканные бумажные салфетки всё ещё валяются рядом как доказательство вчерашнего бессилия.

Стыд подкрадывается сразу, стоит мне открыть глаза. Сначала за вчерашнюю ночь. За то, что даже в момент наибольшей уязвимости думаю о нём.

А потом — за день до этого. За вино и транквилизаторы. Мои попытки убежать от самой себя никогда не заканчи-

вались хорошо.

Я зажмуриваюсь, прикрываю глаза тыльной стороной ладони и делаю глубокий вдох.

Впереди ещё один день. Нужно вставать. Пора быть взрослой.

Дорога до приюта немного придаёт мне сил. Снегопад шёл на протяжении всей ночи — явление, столь редкое для мест, где я родилась. Снег там если и выпадал, то таял быстрее, чем можно было успеть открыть камеру.

Город был по-особенному тих этим выходным утром, даже воздух казался особенным. Снег укутал улицы ровным белым слоем, превратив даже самые скучные кварталы в тихую рождественскую открытку. Я выбрала дойти пешком и уже через пару кварталов пожалела об этом решении. Моя обувь намокла быстрее, чем я успела проклясть собственный выбор, а щёки жгло от холода и ветра.

И хоть я не любила холод, мне нравились изменения, было в этом всё что-то успокаивающее. Снег лип ко мне, к волосам, к шарфу, к мыслям. Но в этом было странное чувство очищения, что ли. Как будто город делает глубокий вдох вместе со мной.

Сегодня утром была моя очередь дежурить в приюте: никаких бумаг, только благодарные хвостики и очень большой шанс быть обслуженной.

Я захожу через боковую дверь и обязательно запираю её за собой. До меня тут же из глубины коридора доносится друж-

ный лай, будто все псы сразу хотят сказать мне «привет».

Снаружи как будто осталась вся эта неделя, эти напряжённые дни и тревожные вечера, пустые разговоры, вынужденная улыбка и кивки, потому что я не знала, что сказать.

А здесь здесь можно помолчать.

Включаю свет в коридоре и прохожу в комнату для персонала, где могу оставить свои вещи и переодеться.

Внутри пахнет шерстью, хлоркой и кормом, но этот запах успокаивает меня. В зоне для собак меня уже встречает Джинджер — старая овчарка, которую всегда выпускают первой, и по совместительству главная нарушительница, научившаяся открывать свою клетку. В какой-то момент мы просто перестали пытаться. Её когти цокают по полу, она виляет хвостом, а взгляд такой преданный, но уставший, что я тяжело вздыхаю, когда наклоняюсь, чтобы почесать её за ухом.

— Доброе утро, девочка, — говорю я ей. — Ну что, пойдём осматривать владения?

Пока она ковыляет к задней двери, я оглядываю помещение. Первая миссия — выгул, но перед этим я обязана осмотреть животных. Благодаря праздникам, у нас не осталось щенков, только подростки и взрослые животные, так что мне не придётся тратить время на карантинную зону.

На улице свежо, но тихо. Приют закрыт для посетителей, но атмосфера всё равно особая. Снег покрыл весь задний двор, и когда я открываю дверь, Джинджер тут же медленно

выходит, обнюхивая всё подряд с видом опытной хозяйки.

Остальные собаки выгуливаются партиями, медленно, не торопясь, они знают этот распорядок: сначала старички, потом активные и шумные. В нашем приюте особенно много питбулей и стаффордс.

Наблюдаю, как подросток хаски Бадди буквально скользит по снегу, перед этим сбив меня с ног, а потом, довольный, облизывает мне все руки, не понимая своей вины. Чихуахуа Лили, моя крошка-тёзка и злая копия, упрямо отказывается морозить лапы на снегу, и я ношу её на руках по двору, как младенца. Она фыркает, а я смеюсь и снимаю собак для сторис приюта. Пара кадров отправляются в чат с друзьями, и почти сразу в ответ мне приходят стикеры сердечек и умилённые комментарии Грейси и Айлин.

После прогулки — кормление. Под тихую музыку из моего плейлиста я насыпаю корм, проверяю, кто как ест: Бадди с жадностью, кто-то принюхивается, а Роза, взрослая бульдожка, и вовсе предпочитает усестись мне на колени. Некоторым животным нужно дать лекарства, другим — витамины, и я строго следую по списку.

После этого зона кошек. Я открываю дверь, и небольшая пушистая армия оживлённо встречает меня. Некоторые спят на полках, другие потягиваются на лежанках, а кто-то уже трётся об ноги. Я пугаюсь, когда одна из кошек шустро прыгает прямо мне на грудь. Улыбаясь, подхватываю её и прижимаю к себе.

Я убираю лотки, меняю воду и насыпаю корм. Несколько новых кошек всё ещё держатся поодаль, особенно пушистый чёрный кот — им нужно больше времени, чтобы привыкнуть. Я просто остаюсь сидеть рядом с ним, не навязываясь, а он смотрит на меня, долго, очень долго, пока не позволяет себя погладить и не начинает мурчать. И я чувствую облегчение.

В детстве у меня не было животных, ни единого. Почти уверена, что моя мама выдумала свою аллергию, чтобы не заводить никого из четвероногих. Единственный вариант, что мне предложили — аквариум с рыбками, и те продержались меньше недели, пока сестра не разбила его у меня на глазах. Стоит ли говорить о том, что после этого я не хотела даже рыбок? Потом мне ещё долго казалось, что я не создана для заботы.

А теперь я тут.

Сканирую взглядом кошек, не находя ту самую. Где Мун? Моя любимица, белая красавица, всегда бежала ко мне первой. И немного предательница — ведь именно она оказалась на руках Картера на снимках с фотосессии.

Не помню, чтобы видела документы на её «усыновление», но в праздничной суете я могла что-то упустить. Я поджимаю губы, глядя на место, где раньше была её лежанка.

Когда всё закончено: двор почищен, миски вымыты, а все лекарства проверены, хвостики сыты и довольны, то я, наконец, могу сделать небольшой перерыв.

Я завариваю чай, меня ещё тянет к кофеину, но пока я держусь. Сквозь стекло наблюдаю за животными. Джинджер дремлет у двери, положив морду на лапы.

Теперь здесь пахнет мокрой шерстью и зимним воздухом.

Но мне спокойно. Здесь, среди шерсти и следов лап на одежде, в старой флисовой куртке, мне наконец-то не нужно притворяться кем-то другим рядом с ними.

Глава 6

Лили

В понедельник я просыпаюсь раньше будильника с чувством, что что-то не так. Я долго пытаюсь заснуть снова, слушая тишину апартаментов, холодную и пустую. Тянусь за телефоном — в нём меня ждёт несколько непрочитанных сообщений от Ридли, начиная со вчерашнего вечера, когда я отключилась за просмотром телешоу.

Ридли:

«Ты не забыла? Завтра в 7 в Casual».

«Тебе понравится, обещаю».

Ну, конечно, я забыла. Быстрые свидания, на которые меня затащили. Читаю следующее сообщение от друга, что пришли ещё позже, почти ночью. Откуда в нём столько энергии?

Ридли:

«Только не смей отменять в последний момент!»

«Пожалуйста, не оставляй меня там одного».

Я вздыхаю, поднимаясь с кровати, чтобы начать собираться на работу. Крашу глаза ярче, чем обычно, и говорю себе — это потому, что я не успею заехать домой перед пыткой,

что навязали мне Грейси и Рид. Убеждаю себя, что постараюсь хорошо провести время и не буду пить.

Судя по отзывам, ресторан представляет собой маленькое уютное заведение, в котором всё выглядит спокойно. Перед тем, как зайти внутрь, я перехожу по ссылке, что отправил мне Максвелл. Он, или Грейс, не знаю точно, уже зарегистрировали нас, но я решаю сверить информацию.

В телефоне меня встречает красно-розовый сайт с фотографиями счастливых пар на свидании и, к моему ужасу, анимация в виде летающих купидонов. «Вечеринка быстрых свиданий. Встречи для тех, кто хочет влюбиться», — гласит надпись. Я читаю информацию, что количество пар может доходить до двадцати, и мысленно мне уже становится плохо. Мне придётся выслушивать двадцать незнакомцев, заплатив за это полтинник? Я почти стону вслух, читая строку про «зажигательные» игры с ведущим вечеринки и медленные танцы после свиданий. Господи боже, теперь это звучит как завуалированное описание свингер-вечеринок.

Красочное описание обещает, что мне обязательно найдут пару, и я усмехаюсь. Скорее мужчинам там после общения со мной понадобится сессия в психологом, хотя сегодня у меня даже нет настроения портить чей-то вечер.

— Привет, красавица, — слышится позади меня и, узнав голос Максвелла, я оборачиваюсь.

— Куда ты, чёрт возьми, меня привёл? — показываю ему

открытую ссылку, со всеми этими летающими купидонами.

Парень смеётся и, приобняв меня, толкает ко входу.

— Мы идём навстречу судьбе.

Ресторанчик действительно маленький, здесь правда уютно: свет приглушён, играет тихая музыка, а на спинках кресел лежат пледы. Помещение разделено на две части: справа — тесный зал со столиками, накрытыми одинаковыми кремовыми скатертями. На каждом столике стоит по вазе с красной розой.

Слева, у входа, небольшой бар, что выглядит как единственное место, где можно спрятаться, чтобы избежать потенциально неловких пятиминутных разговоров. За стойкой уже суетился бармен, раскладывая бокалы и многозначительно подмигивая входящим людям, будто предлагая: «Если станет слишком плохо — я рядом». Жаль, что меня это не спасёт.

— Смотри, у них даже есть фуршет, — тянет Ридли.

Но я закатываю глаза, качая головой. Ещё бы здесь не было фуршета. Но фуршет — это громкое слово. На длинном столе в глубине стояло несколько тарелок с мини-сэндвичами, фруктами и сомнительной сырной тарелкой.

— Я всё ещё думаю, что это худшая твоя идея, — шепчу я, по-прежнему оставаясь в фойе. Мне хотелось нервно рассмеяться, настолько я не понимала, что тут делаю.

— Будет весело! — утверждает он. В этом он прав, по крайней мере, мне будет о чём посмеяться с Грейс.

Мы оставляем верхнюю одежду и проходим регистрацию, получая бейдж с именем и карточки с номерами столов. И я испытываю волнение? К своему ужасу, осознаю, что это именно оно.

Ведущий рассказывает предельно простые правила и, пожелав нам найти свою любовь, объявляет начало первого отсчёта времени.

Номер 1. Парень с усами и зависимостью от астрофизики. Спрашивает, верю ли я многомерность времени. В этот момент я очень жалею, что не пью сегодня вечером.

Номер 2. Писатель, утверждающий, что пишет для Netflix. Рассказывает, что дома держит живую утку.

Номер 3. Парень в свитере с оленями. Модное недоразумение, но довольно милый.

И так со всеми. Это абсурдно, смешно, но иногда мило. И я улыбаюсь чаще, чем ожидала, в основном потому, что воспринимаю это как эксперимент и попытку развеяться.

Но это быстро надоедает. Каждый пытается показать себя, свою уникальность, пока я сдерживаю зевету и чувствую усталость. Теперь мне кажется, что свет здесь приглушён, чтобы не было видно недостатков.

Сейчас передо мной сидит парень под номером 11, рассказывающий мне про свою бывшую, пока все образы этих мужчин сливаются в один большой. Я киваю с выражением заинтересованности, которое, скорее, больше похоже на нервный тик.

— Понимаешь, она просто не ценила мои вибрации, — говорит он, тяжело вздыхая.

Я моргаю.

— Твои вибрации?

— Энергетические! — он так резко подаётся вперёд, что я отодвигаюсь на стуле. — Я вибрирую на очень высокой частоте. У большинства людей частота низкая, вот она и не выдержала рядом со мной.

— Сочувствую, — бормочу, не уверенная, какая реакция будет уместнее. — Наверное, тяжело э-э, вибрировать одному?

— Невероятно тяжело, — парень печально смотрит на свой бланк. — Особенно по ночам.

Я подавляю истерический смешок. Ведущий ещё не подал сигнал о смене партнёра, и мне кажется, что это самые долгие минуты в моей жизни.

— Я ищу такую же высокочастотную женщину, — продолжает он. — У тебя, кстати, очень благоприятная аура.

— Ох, спасибо, я сегодня принимала душ.

Он кивает, будто в моих словах есть глубокий философский смысл.

— Я это почувствовал.

Что он почувствовал? Запах моего отчаяния или желание вызвать эвакуатор прямо к этому ресторану?

Забудьте о том, что я говорила, что это может быть весело. Это было так только по началу.

Отвожу взгляд в сторону бара, в надежде, что кто-нибудь сейчас нажмёт на кнопку пожарной сигнализации и избавит меня от очередной истории «как я понял, что медитация — это путь», и вот тогда-то я и замираю.

Микаэль Картер только что вошёл внутрь. Один.

Я узнаю его сразу, то ли по походке, то ли это уже своего рода чутьё. А может, это как с аллергией?

Он подходит к бару, на нём тёмно-синяя куртка с эмблемой «Бостона» на груди, капюшон спущен. Волосы чуть взъерошены, щёки розовые от холода, а на скулах лёгкая щетина. Он выглядит слишком красиво, слишком хорошо среди всего этого купидоновского безумия.

Он заказывает что-то, и пока бармен отворачивается к кофемашине, Мик, ожидая заказ, с интересом наблюдает за происходящим в ресторане, оглядывая зал.

Мысль спрятаться под стол посещает меня, но слишком поздно.

Довольно быстро Картер замечает меня.

Я вижу это по тому, как он вскидывает брови, замерев. Его выражение лица застывает, становится совершенно нечитаемым, а потом в глазах появляется то самое узнавание, смешанное с чем-то, что я предпочла бы не анализировать.

Мой спутник под номером 11 что-то спрашивает. Про книги? Или кошек? Или про бывших? Я не слышу, всё сливается.

Я смотрю на Мика, он смотрит на меня. Дольше, чем по-

ложено для «случайного взгляда». Он смотрит так, что мне становится дискомфортно.

— Кстати, а ты веришь, что кошки — это лазутчики инопланетян? — спрашивает меня мой собеседник. Я перевожу взгляд на него, оглядывая, и чуть не дёргаюсь. И он серьёзно ждёт от меня ответа.

— Ну, я с ними работаю, — бормочу. Как мы менее, чем за пять минут, перешли от его бывшей к этому?

— С инопланетянами?

— Да, — бормочу, даже не вслушиваясь. Мой мозг отказывается воспринимать происходящее, глаза всё время возвращаются с Мику.

Он получает свой заказ — бумажный пакет, судя по всему, еда навынос, и стакан с напитком. Но вместо того, чтобы уйти, он неторопливо опускается на барный стул. Говорит что-то бармену, тот кивает, и Картер снова встречается со мной глазами. На этот раз дольше.

Он просто смотрит и не отворачивается. Смотрит так, что внутри меня всё сжимается.

— Некоторые думают, что у кошек вообще нет души, — продолжает мужчина передо мной. — Но я считаю наоборот. Они слишком умные.

— Да, — отвечаю рассеяно. На что «да» — не знаю. Может, у кошек есть личный космический план? Господи, да какая разница, потому что Микаэль мать его Картер всё ещё смотрит. Прямо. Открыто. С тем выражением, от которого у

меня всё сжимается.

Он смотрит так, будто хочет подойти, и у меня перехватывает дыхание.

— О, ты тоже заметила энергетическое мерцание вокруг барной стойки? — оживляется номер 11.

— Прости?..

— Там очень специфическая вибрация, — кивает он.

Я почти смеюсь над его словами и, наверное, рассмеялась бы, если бы не Мик, что сидит у той самой стойки и прожигает меня взглядом.

Звучит звонок, оповещающий о переходе к следующему столику, и я почти готова сама вытолкнуть номер 11 из-за столика. Официально заявляю: это были самые странные и долгие пять минут в моей жизни.

— Было приятно повибрировать вместе, — говорит он мне.

— Да-да, взаимно, — выдыхаю, опуская глаза к карточке со списком участников.

Не знаю, готова обнять или задушить Максвелла, когда он подсаживается ко мне под следующим номером.

— Ну, как тебе? — спрашивает он шёпотом, чуть наклоняясь над столом.

— Ты про это сборище фриков? — бурчу я, переводя взгляд с Мика на Ридли.

Боже, да Максвелл сияет, ну, или в нём говорит пара выпитых коктейлей. Он хватает мою «карту симпатий», в ко-

торой мы должны отмечать своё впечатление о собеседнике, и разочарованно смотрит на меня, видя одни минусы напротив всех номеров.

— Ты издеваешься? — стонет Рид. — Ты что, поставила «минус» даже тому парню с британским акцентом?

— Его акцент фальшивый, — отвечаю, протягивая ему ручку. — Я слишком люблю британских актёров, чтобы не заметить разницу. Можешь поставить «плюс» напротив своего имени.

Он уже открывает рот, чтобы что-то сказать, как вдруг возле нашего столика слышится:

— Привет.

Этот голос я бы узнала даже под водой.

Я поднимаю глаза. Рядом стоит Микаэль, и на его лице то самое выражение, которое я ненавижу больше всего: смесь веселья, лёгкой иронии и капля, совсем крошечная, интереса. Чувствую, как спина автоматически выпрямляется.

— Ты шутишь, — стонет Ридли и хрипло смеётся, глядя на него. — Что ты тут забыл, чувак?

— Значит, экспресс-свидания? — Мик не обращается ни к кому конкретно, но всё равно не сводит взгляд.

А затем он делает то, от чего мои внутренности сжимаются: он берёт пустой стул у соседнего столика, оставшийся от пары, которая уже нашла друг друга, и присаживается к нам третьим.

Я не успеваю ничего сказать, ни «нет», ни «проваливай».

— Никто из команды не должен знать об этом — начинает Рид, на что я не сдерживаю смешка.

— Максвелл затащил меня сюда, угрожая, что иначе расскажет Грейс про нас. На вечеринке в честь помолвки. В подробностях, — пожимаю плечами.

Ридли возмущённо открывает рот, мотает головой, не веря, что я правда раскрыла все карты, и смотрит на меня так, будто я предала его.

Я и сама себе не верю, что вслух сказала это при Мике, но почему-то мне стало просто жизненно необходимо объяснить, что я здесь забыла.

Губы Мика едва заметно дёргаются в ухмылке, не то чтобы я так уж следила за его губами так, стоп! Где там ведущий, разве он не должен сделать нам замечание?

— Неплохой компромат, — говорит Мик. Он смотрит на меня, и в голосе слышна усмешка. — И что за подробности, Максвелл? — он спрашивает Ридли, но по-прежнему смотрит на меня.

Ридли только снова фыркает. Мы все знаем, что за подробности это были.

— Как успехи? — теперь Картер перехватывает мою «карту симпатий» и хмыкает, глядя в неё. Этот раунд, честно говоря, ощущается как вечность.

Он постукивает пальцем по бумажке, явно развлекаясь, и не торопится возвращать карточку.

— Ридли, — говорю я, переводя взгляд на друга, — будь

добр, принеси мне что-нибудь выпить.

— На свой вкус? — он уточняет, и я киваю.

— Да.

— Только не поубивайте друг друга, — хмыкает он и уходит к бару, оставляя меня один на один с мужчиной, достойного медали в чемпионате по бегству от последствий.

— Я впечатлён, — произносит Картер, рассматривая мои сплошные минусы. — У бедняг даже нет шанса получить «плюс»?

Я закатываю глаза.

— Почему ты здесь?

— Ты выглядела такой скучающей рядом с тем парнем, — он подсматривает в карту, — под номером 11. Теперь я понимаю, почему.

Я протягиваю руку, чтобы забрать у него бумажку, но он выставляет руку вперёд, противясь.

— «Коуч», «скучный», «живёт с мамой», — начинает зачитывать он комментарии, которые я начала оставлять напротив каждого номера, чтобы хоть как-то отличить одного парня от другого. — О, а это что: «Асцендентная Дева»?

— Слишком аналитичный, — я, наконец, вырываю у него бумажку. — Начал знакомство со слов: «Я не токсичный, и у меня нет бывших, пищущих мне по ночам», — пародирую я голос.

Картер неожиданно усмехается, чуть улыбаясь своей красивой улыбкой, чёрт бы его побрал.

— Но кому-то же придётся дать свой номер, — замечает он. — Как тебе тот парень за шестым столиком?

Я осматриваю зал, а затем гляжу в карту, ища его.

— У него галстук с слонами.

— Верно, преступление против моды, — он кивает и снова ищет глазами по залу. — А тот, что у окна?

— Я записала его как «крипто-мессия». Говорил, что в любовь, как и в биткойн, главное — вовремя вложиться.

Микаэль поджимает губы, явно стараясь не засмеяться, и я сама слегка улыбаюсь. Подождите мы что, начали ладить?

Звучит звонок, означающий следующий раунд, и ко мне направляется симпатичный парень с густыми тёмными волосами и серьёзным, немного задумчивым взглядом. Он в моём вкусе — не вычурный красавец, но есть в нём что-то такое. Он уже подходит ближе, почти равняясь с нами, как ведущий прочищает горло в микрофон и объявляет десятиминутный перерыв, улыбаясь так, словно это шоу века. Парень вежливо кивает мне и отходит к бару.

— Лили? — зовёт меня Картер.

Я медленно поворачиваюсь к нему.

— Если бы я был здесь как участник у меня был бы шанс?

Я долго смотрю на него, немного шокированная вопросом, а затем печально усмехаюсь.

— У тебя *был* шанс, Микаэль. Ты его благополучно — я одёргиваю себя, замолкая.

Он хмыкает, качая головой, словно был готов услышать

такой ответ, но всё равно надеялся на другой.

— Ты единственная, кто зовёт меня полным именем, — он прикусывает губу, взгляд цепляется за мой.

— Если это приносит тебе удовольствие, я перестану.

— Ты такая милая, — он усмехается и поднимается. — Только не ставь «плюсы» из ненависти ко мне. Я этого не переживу.

На его лице появляется лукавая полуулыбка, такая знакомая и раздражающая. Та, что когда-то сбила меня с мыслей и та, от которой кружилась голова.

— Ты невозможен, — выдыхаю я.

— Это моё второе имя, — подмигивает он.

Где, чёрт побери, Максвелл?

Но прежде, чем я успеваю что-то сказать, я замечаю, как выражение Мика меняется. Он кажется искренним, слишком настоящим.

— Ты не обязана меня прощать. Просто — его голос теряет игривость и становится сдержанным, я бы даже сказала серьёзным, — иногда что-то уходит так быстро, что ты не успеваешь понять, как тебе это было нужно.

И он разворачивается к выходу.

— Удачи с остальными, Лириан.

Без лишних объяснений он уходит. Оставляет меня с этим чёртовым ощущением его жгучего голоса под кожей. С дрожащими пальцами и ускорившимся пульсом.

И что это вообще было?

Я не знаю, что раздражает меня больше: он сам или то, как сильно мне понравилось спорить с ним.

Я чувствую себя глупо, оставшись одна посреди зала, окружённая смехом незнакомых мне людей. За соседним столиком две подруги обсуждают ведущего. В углу кто-то смеётся слишком громко, а внутри меня с уходом Мика обнаружится пустота, подпитанная злостью. Или это не злость?.. Прекрасно, теперь я уже не понимаю, что чувствую.

«Иногда что-то уходит так быстро»

Я качаю головой, пытаюсь выкинуть его голос, потому что он всё ещё внутри, и уже собираюсь направиться к бару, когда наконец-то вижу Ридли. Он о чём-то оживлённо болтает с блондинкой и до последнего не замечает меня, пока я не зову его по имени.

Услышав, он резко поворачивает голову в мою голову и извиняюще улыбается, глядя на бокал в своей руке, по всей видимости, предназначавшийся мне. На секунду мне хочется выпить, всего пару глотков, чтобы прийти в себя.

Один бокал, говорю я себе. Просто чтобы выдержать этот цирк.

Я наблюдаю, как спутница Ридли забирает этот бокал из его рук и отпивает из него, и я почти смеюсь над этим.

Ведущий снова берёт микрофон, призывая всех занять свои места и через минуту звучит сигнал, означающий следующий раунд.

Тот темноволосый парень садится напротив меня, он про-

тягивает мне бокал с чем-то пузырящимся, по-видимому, шампанским, и я благодарно принимаю его, даже если ненавижу этот напиток. Вверх ногами читаю, что написано на его бланке и перевожу взгляд на бейдж на его груди. Брайан.

— Привет, — говорит он, глядя мне прямо в глаза. Слишком навязчиво, если вы спросите меня. — Ты очень красивая. Я даже немного растерялся.

И слишком дёшево, к сожалению. Я стараюсь сосредоточиться на Брайане, которого ещё недавно сочла симпатичным, а не на кареглазом парне по имени Микаэль, что всё ещё сидит у меня в голове. И не на полном бокале. Я чувствую этот запах, характерный для шампанского, и хоть терпеть его не могу, в руке я кручу этот бокал.

— Спасибо. Это твоё первое быстрое свидание?

— Ага, — кивает он, но почему-то я не верю ему. — Я подумал, может, пора выйти из зоны комфорта.

Я киваю и вежливо улыбаюсь. Он правда хорош собой, но почему я подвергаю сомнению каждое его слово? Жду подвоха?

Слушаю, как он рассказывает про работу и то, как он любит бегать по утрам, но всё это звучит слишком отдалённо. Как фон.

Потому что в голове вновь только Картер. Мне хочется обернуться к двери и убедиться, что он действительно ушёл. И почему мне хочется спросить, что у него будет на ужин?

А ещё хочется сделать этот проклятый глоток.

Следующий мужчина говорит с восточным акцентом. Он архитектор и кажется нормальным. Не слишком флиртует, не строит из себя загадку, но я смотрю на него и не чувствую ничего кроме вины за то, что сравниваю его кое с кем другим.

Я ставлю минусы напротив номеров участников, по-прежнему продолжая вписывать свои неуместные комментарии. Пытаюсь быть вежливой и выглядеть заинтересованной, но когда передо мной садится последний парень, я готова сказать всё, что угодно, лишь бы это закончилось быстрее.

Нужно было сбежать ещё в середине, а лучше в самом начале.

«Ты не обязана меня прощать».

— Иди к чёрту, — шепчу я, сама этого не осознавая. Мужчина передо мной раскрывает рот.

— Ты это мне? — он поднимается с места. Выглядит взбешённым. Наверное, не будь я так погружена в себя сегодня, в другой раз меня бы это даже позабавило. — Психичка.

И вот так я остаюсь одна.

Я не дожидаясь завершения раунда — к чёрту все правила и обещания, и просто покидаю столик, так и оставляя полный бокал.

Направляясь к выходу, я вдруг меняю курс и подхожу к официантке. Это происходит само.

— Добрый вечер, — говорю слишком бодро. — Могу я сделать заказ навынос?

Девушка кивает, вытаскивая телефон.

— Я — замираю. Ну же, Лили. — Один мой друг сегодня так хвалил вашу кухню, что мне захотелось попробовать. Можете посмотреть, что он заказал, и завернуть мне то же самое?

Я официально сошла с ума.

Девушка улыбается, но ничего не говорит. Интересно, я кажусь сумасшедшей или полной фанаткой? Или и то и другое?

Через время я уже стою у выхода с бумажным пакетом в руках и нулевым пониманием, зачем я это сделала.

Только дома, когда ставлю пакет на кухонный стол, вдруг осознаю, что голодна.

«Ты всё же сбежала», — читаю на экране сообщение от Ридли. Закатываю глаза, но уголки губ всё же дрогнули.

Я смеюсь вслух, когда открываю контейнер и вижу мак-н-чиз с куриной грудкой. — Серьёзно? — фыркаю. — Этот парень якобы запекает фаршированную индейку, но в не в состоянии приготовить макароны с сыром?

Я сажусь на подоконник, пока моя остывшая порция разогревается в микроволновке. На улице уже совсем темно, и я касаюсь лбом холодного стекла. Этот день кажется слишком длинным, оставляющим лёгкую усталость и чересчур много мыслей.

Когда я нанизываю макароны на вилку, сливочный аромат бьёт в нос, но я всё равно пробую с осторожностью. На вкус

намного лучше, чем я ожидала, совсем по-домашнему.

Ловлю себя на том, что улыбаюсь. Настоящей улыбкой, которую почти не показывала весь вечер, и сразу же стираю эту улыбку, будто её может кто-то увидеть. Эта улыбка ощущается как предательство. Но перед кем? Перед собой, перед ним? Перед вечером, который, казалось, уже было не спасти?

Не знаю.

Задаюсь вопросом, почему вообще взяла этот чёртов мак-н-чиз, но ответа у меня нет. Я просто сажу и ем чужой ужин, который ощущается как краденный, ведь это даже не мой выбор, и вдруг понимаю, что вечер заканчивается не так уж и плохо. Благодаря еде, говорю я себе.

Но почему-то и это раздражает больше всего.

Глава 7

Лили

Когда я встретила Мика Картера впервые, я сразу поняла, что ничем хорошим это не кончится. Я будто уже знала, что он станет для меня проблемой.

Я познакомилась с ним в баре и, оглядываясь назад, мне нужно было спастись уже тогда. Будь у меня хоть капля инстинкта самосохранения, я бы ушла. Но я осталась, ввязалась в это, потому что в глубине души меня всегда тянуло к таким, как он: красивым, ярким, тем, кто мог ранить.

ранее

март

Я улыбаюсь, из-под ресниц глядя на высокого мужчину рядом со мной.

— Итак, Мик, — я прикусываю губу, — скажи честно, ты пришёл добровольно или тебя затащили друзья, и теперь ты делаешь вид, что хорошо проводишь время?

Карие глаза цвета виски сканируют моё тело, и на лице нападающего появляется ленивая улыбка.

— А если я скажу, что пришёл сюда встретить кого-то, кто будет красивее всех остальных?

— Тогда я, пожалуй, выпью за свою победу.

Он улыбается шире и позволяет своей ладони скользнуть по моей талии чуть ниже, слегка поглаживая кожу сквозь ткань одежды. Кое-кто проверял мои границы.

— Что ты будешь, флаффи?

— Зависит от того, что ты готов мне предложить сегодня, флаффи, — передразниваю его я, моргая. *Флаффи*. Пушистая и покладистая — точно не про меня, но спасибо, что не «пак банни», однако на одну секунду мне нравится это его «флаффи».

Я и моя овуляция решили, что хотим склеить сегодня кого-то и, к несчастью для этого парня, выбор пал на него.

Он смеётся, тихо, но с хрипотцой, будто я сказала нечто действительно остроумное.

— Осторожнее, флаффи, — шепчет он мне на ухо, — я могу подумать, что ты меня выбираешь.

Я наклоняюсь ближе, позволяя своей ноге невзначай коснуться его.

— А если я уже выбрала?

Вижу, как он замирает на секунду, сглатывая.

— Тогда мне придётся сдаться.

— Это угроза или обещание? — слегка наклоняю голову.

— Всё зависит от тебя.

Я почти улыбаюсь и наклоняюсь к стойке, чувствуя, как Мик смотрит на меня с тем самым выражением — смеси интереса и самоуверенности, которая позже закончится для ме-

ня катастрофой.

— Я буду русский лонг-айленд, — говорю так, будто заказываю его каждый день.

Микаэль вскидывает брови, явно не ожидая такого ответа, но могу понять, что ему нравится это удивление.

— Русский лонг-айленд, значит? — он наклоняет голову, прикусывая внутреннюю сторону щеки. — Победительницы получают всё.

Он ухмыляется и разворачивается к бармену, и я почти уверена, что сейчас услышу, что у них такого нет. Этот коктейль не для каждого бара, он слишком крепкий, слишком наглый, слишком как сидящий рядом Микаэль.

Но через пару минут передо мной ставят высокий стакан, одну из причин моих будущих неприятностей. С этого момента всё окончательно пошло под откос, и я сама нажала на этот курок.

Ещё через пятнадцать я готова позволить этому форварду поцеловать меня.

Его пальцы скользят вверх по моей руке — движение небрежное, почти случайное, но в нём слишком много намерения. Мы стоим в тени у стены, недалеко от барной стойки, где грохочет музыка, а чужие голоса сливаются в гул. Мои губы всё ещё чувствуют вкус алкоголя, а взгляд вызывающий.

Мик приближается к моему лицу, и я не отступаю.

— Всё ещё думаешь, что я делаю вид, что хорошо провожу время? — его голос едва слышен, но я чувствую каждое

слово вибрацией в животе.

— Ты справляешься лучше, чем ожидалось, — шепчу, запрокидывая голову.

Он усмехается, и в следующую секунду его ладонь оказывается у меня на талии. Второй рукой он отодвигает прядь моих волос и, прежде чем я успеваю понять, это случается: он прижимает меня к холодной кирпичной стене, а его губы касаются моих с внезапной решимостью.

Его поцелуй как удар молнии. Он не просит разрешения. Он просто берёт, пробует и дразнит. Его рот горячий, дерзкий; он вжимает меня в стену, прижимаясь ко мне, пока рука, что была на талии, скользит ниже. Он по-хозяйски грубо сжимает мои бёдра, больше не спрашивая разрешения и, самое странное, я позволяю ему.

Я отвечаю с тем же жаром, цепляясь пальцами за его футболку-поло, позволяя себе забыться. Мы изучаем границы друг друга, и я сама подталкиваю его нарушить их. Он чуть прикусывает мою нижнюю губу, и из груди вырывается тихий, предательски довольный вздох.

Я не понимаю, кто из нас отстраняется первым — пульс стучит в ушах слишком громко.

— Неплохо для любителя, — шепчу, стараясь дышать ровно, и он усмехается, глядя на мои губы слишком внимательно, рассматривая их. Он явно знает, как действует на меня.

— Да? — его голос стал ниже. — Хочешь убедиться ещё

раз?

Он почти шепчет, наклоняясь ко мне опасно близко, так, что я чувствую его дыхание на своей щеке. Я провожу языком по опухшим от поцелуев губам, чувствуя, как его взгляд мгновенно цепляется за это движение, и ему не удаётся скрыть этот взгляд.

— Любишь бильярд? — спрашивает он и звучит так, будто в очередной раз проверяет, насколько далеко я готова зайти

— Люблю выигрывать, — ухмыляюсь и отталкиваюсь от стены, проходя мимо него так, чтобы плечом задеть его грудь. Этот контакт выходит чуть дольше, чем нужно, и я это знаю.

Он тихо чертыхается мне в затылок, звук, от которого у меня по спине пробегает дрожь, и уже через секунду догоняет.

Его рука крепко держит мою, когда он ведёт меня вверх по лестнице во второй зал, как я поняла, закрытый на реконструкцию.

На мгновение я сомневаюсь.

— Ты уверен, что нам-

Не успеваю закончить, потому что он преподносит палец к моим губам:

— Тш-ш, — шепчет он с дерзкой полуулыбкой.

Вот так мы оказываемся в полутёмном помещении, заставленном бильярдными столами, накрытыми строитель-

ной плёнкой. Картер прикрывает за нами дверь, ищет на стене рубильник, находит его и щёлкает им. Свет тусклый, горит лишь пара ламп, которые отбрасывают золотистые круги на столы для бильярда, низко свисая с потолка.

Мик резко откидывает плёнку с одного из столов. Он тянет меня за руку, подсаживает на край и встаёт между моих ног. Его губы тут же накрывают мои жадными поцелуями, будто он слишком долго этого ждал, пока его ладони исследуют моё тело.

Я издаю тихий стон и инстинктивно прижимаюсь к нему, ощущая твёрдость мышц под тканью. Почему он целует меня с такой жадой и огнём?

— Что, даже не научишь играть? — шепчу между поцелуями. Вообще-то я умела играть, правда довольно посредственно, но ему это знать необязательно.

— Не в этот раз, — рычит он, прикусывая мою нижнюю губу.

— Ну пожалуйста, — шепчу ему в губы.

Микаэль чуть отстраняется от меня, глаза внимательно смотрят в мои, прежде чем он вздыхает. Его взгляд скользит по помещению, но я первой нахожу кий — он лежал на столе под плёнкой. Наклоняюсь назад, оборачиваясь, чтобы потянуться за ним, когда на мои ягодицы опускаются мужские ладони. Они требовательно сжимают меня сквозь ткань, а затем шлёпают. Неожиданно для меня самой из груди вырывается стон.

Теперь юбка, которую я решила надеть в последний момент, кажется идеальным выбором, особенно когда его руки медленно проникают под подол, задирая его, пальцы нащупывают край чулок и, сдвигая их вниз, вызывают мурашки по голой коже.

Новый стон выходит из меня, когда его губы касаются моих ягодич, прикусывая нежную кожу.

— Я думала, мы будем играть, — как можно невиннее шепчу я и слышу хмыканье в ответ.

— Правда хочешь сыграть? — наконец, он отстраняется, и часть меня уже начинает жалеть об предложении.

— Да.

Не знаю как, но мужчина довольно быстро находит шары под плёнкой на одном из соседних столов и расставляет на нашем.

— Умеешь разбивать? — интересуется он. Голодный взгляд скользит по моему телу.

Да.

— Нет, — я неотрывно смотрю на него, крутя в руках найденный кий.

Микаэль подкрадывается ко мне сзади и встаёт вплотную.

— Ноги чуть шире, — шепчет он мне на ухо, наклоняясь ко мне. Одна его ладонь скользит по моей спине, нагибая вперёд, а другая вокруг бёдер, исправляя стойку. — Вот так, молодец, — с придыханием хвалит он, и вот теперь я точно жалею, что начала эту игру. Всё моё тело полыхает, настоль-

ко я жажду его внимания. — Теперь — Микаэль продолжает хрипеть мне на ухо, на этот раз показывая, как поставить пальцы, и от его действий я невольно сама забываю, что нужно делать. — Держи левую руку неподвижной во время удара, — учит он, и я мычу в ответ, задерживая дыхание на секунду. — Попробуй сделать пробный замах, — он показывает мне, держа свою руку поверх моей на кие. — Кий должен ходить плавно и легко.

— Ага, — киваю я и вместе с пробным движением поддаю бёдра назад, упираясь в пах мужчины. — Так? — я чуть поворачиваю голову, находя его взглядом. Мои губы почти скользят по его щеке, достаточно приложить минимум усилий, чтобы поцеловать его.

Мик ухмыляется, глядя на меня, и я слабо улыбаюсь в ответ.

— Разбивай, флаффи.

Я наклоняюсь ниже, снова скользя ягодицами по его паху, и нарочно долго прицеливаюсь, виляя бёдрами туда-сюда.

Наконец, я разбиваю пирамиду битком и один шар сразу попадает в лузу.

— Кажется, у меня получилось? — довольно спрашиваю я, оборачиваясь к нему.

Карие глаза Микаэля следуют за траекторией шаров и возвращаются ко мне, скользя теперь по моему телу.

— Да, получилось, — хрипит он, прежде чем плотнее прижаться ко мне. Я чувствую, как его ставший твёрдым

член прижимается к моим ягодицам сквозь ткань нашей одежды, а его ладонь снова задирает мою юбку. — Продолжай, детка.

— Разве теперь не твоя очередь? — интересуюсь я, и он глубоко вздыхает, мыча согласие.

— Верно, — Мик всё так же прижимается ко мне грудью, и снова берёт мои руки в свои, прежде чем ударить по шару, наклоня меня ближе к столу.

Сразу после удара, не заботясь, попал ли шар в лунку, его ладони опять оказываются на моём теле.

Его пальцы кажутся такими горячими на коже, и я не знаю, дрожу ли я от холода в зале, или от того, как он смотрит на меня — будто хочет съесть. Я полуразворачиваюсь обратно, в руках неуверенно сжимая деревянный кий.

Задыхаюсь, когда кончики его пальцев скользят по внутренней стороне бёдер, прежде чем Картер подсаживает меня на стол. Он ухмыляется и опускается передо мной сам, касаясь кожи губами.

Картер начинает оставлять поцелуи от колен, двигаясь выше и выше, и я невольно хватаюсь за его шею, прикрывая глаза.

— Нравится? — шепчет он, не поднимая головы, и я запускаю пальцы в его волосы. Он оставляет поцелуи всё выше, пока я не выгибаюсь навстречу, кий выпадает из рук обратно на стол. Сердце стучит где-то в горле, а дыхание сбивается с каждым его движением.

Мик поднимает взгляд — глаза у него похожи на мёд, и они блестят сейчас в полумраке. Я сглатываю, когда он снова поднимается в полный рост, возвышаясь надо мной. Там, где только что были его поцелуи, оказываются его пальцы.

Он целует мои губы, в этот раз глубже, требовательнее и крепче, когда его рука отодвигает моё нижнее бельё, и я замираю, а затем издаю громкий до неприличия стон, стоит ему коснуться меня. Вторая его ладонь держит меня за шею, пока пальцы второй задевают мою чувствительную точку.

— Мик, — хриплю я, пока он водит кончиками пальцев по моему клитору, собирая моё возбуждение.

— Да, флаффи? — он выдыхает мне в шею, кусая за кожу. Этот парень точно знает что делает.

Тянусь ладонями к его ширинке, нащупывая твёрдый бугор, и издаю разочарованный стон, когда его пальцы отпускают меня.

Я вижу своё возбуждение на них, как они блестят даже в тусклом свете, а затем Микаэль подносит к своему рту и слизывает со своих пальцев мой сок.

Он удовлетворённо мычит, пробуя меня на вкус, и это кажется таким откровенным, что я тут же расстёгиваю его джинсы.

Мне нужен этот парень внутри меня, и мне всё равно, что мы почти незнакомы.

— Какая нетерпеливая, — шепчет он, но даже не пытается остановить меня. Только продолжает наблюдать.

Пальцы находят пряжку ремня, которая поддается с лёгким щелчком, а затем и застёжку джинсов, которые я немного опускаю вниз.

Взгляд падает на белую ткань, натянутую так, что она почти ничего не скрывает. Не думала, что когда-нибудь смогу почувствовать желание просто от того, как на мужчине сидит бельё но сейчас всё иначе.

Очертания его члена заставляют меня сглотнуть. Он тяжело выдыхает, когда я задерживаю на нём взгляд. Горло предательски саднит, когда я представляю, как опускаюсь перед ним на колени.

Ткань ярко очерчивает всю его набухшую длину, его вены и головку.

Бинго, девочки. Наш эксперимент точно будет иметь успех.

Провожу пальцами по линии резинки его белья, но не касаюсь того, к чему тянет сильнее всего. Мик вздрагивает от моих прикосновений, от контраста температур моих холодных пальцев и жара его кожи. Его тело откликается едва заметным, но отчётливым толчком, и на секунду я прикрываю глаза.

Хотела бы я быть той, кто контролирует ситуацию, но нет. Микаэль — причина того, что я перестаю думать.

— Пожалуйста, трахни меня. — Вырывается из меня шёпотом, прежде чем успеваю остановить себя.

Мужчина усмехается, довольный тем, как легко я рушу

свои границы рядом с ним. Его ладони накрывают мои, пальцы переплетаются, и он ведёт их вниз, помогая стянуть с себя лишнее. Джинсы и бельё падают на пол, его возбуждённый член чуть подпрыгивает, и я сглатываю. Между нами напряжённая, горячая тяжесть, от которой тянет всё моё тело.

Руки сами тянутся к его длине, и он позволяет мне это, со взглядом хищника наблюдая за моими движениями. Я провожу ладонью вдоль его бёдер, позволяя ощущением вести меня, и чувствую, как он весь напрягается от одного этого движения. Его дыхание становится резче и тяжелее, стоит мне обхватить пальцами его длину. Я чувствую его жар, сжимая его, когда Мик опускает голову, прижимая мой лоб к своему.

Мы смотрим в глаза друг друга, и я не вижу ничего, кроме похоти и желания. Я сильнее сжимаю его, пальцем надавливая на головку, чувствуя вязкую жидкость.

Я облизываюсь, зная, как это действует на него, крепче сжимая его в своих ладонях, скользя кулачком вверх и вниз, пока моё собственное тело обдаёт жаром. На мгновение Картер прикрывает глаза, и я выбираю этот миг, тянусь вперёд и касаюсь его губ в поцелуе. Он чуть рычит, целуя меня в ответ, пока я продолжаю изнурять его.

— Чёрт — выдыхает он мне в губы, когда я сильнее сжимаю его член у основания. — Ты сводишь меня с ума, — он хрипит и снова целует меня, всё более нетерпеливо.

Его поцелуи становятся более резкими, грубыми, словно

он наконец сорвался и больше не пытается сдерживаться. Микаэль Картер целуется так, что абсолютно все мысли вылетают из головы и остаётся только он. Он притягивает меня ближе к себе, так что я чувствую каждое его движение.

Я едва заметно улыбаюсь сквозь поцелуй, но это только сильнее подстёгивает его. На эту улыбку он отвечает тем, что углубляет поцелуй, заставляя меня окончательно потеряться в нём. Я отвечаю на каждое его движение, пальцы сами сильнее цепляются за его плечи, не желая отпустить.

На секунду он прикусывает мою нижнюю губу — достаточно, чтобы я издала тихий стон и чуть отстранилась.

— Правда? — шепчу, скользя губами вдоль его челюсти, прикусывая кожу. — Потому что ты меня уже.

Мне всё равно на то, что наш диалог похож на прелюдию в фильме для взрослых, мне нравится флиртовать с ним.

Он усмехается, тихо чертыхаясь, хватая меня за талию и тянет ближе, так, что между нами не остаётся ни сантиметра воздуха, а его член оказывается зажат между нами.

Чувствую, как его тело дрожит. Или это моё?

Он скользит ладонью по моей спине, другой — сжимает бедро. Мир сужается до тусклого света ламп, его дыхания на моей коже и его голоса, спрашивающего, готова ли я.

Он снова целует меня, и нет больше никаких разговоров. Только его язык, только руки, изучающие каждый дюйм моего тела.

В этот момент я понимаю, что пути назад нет, что мы вот-

вот перейдём черту, за которой уже никто не притворяется, что контролирует происходящее.

Я соскальзываю ближе к краю стола, обхватываю его бёдра ногами, чувствуя, как напрягаются его мышцы, когда он пытается контролировать себя. Звучит лязг пряжки его ремня, когда он шарит рукой в кармане упавших джинсов, доставая презерватив.

Сердце бьётся в ушах.

Он смотрит на меня, взгляд ошалевший и пьяный не от алкоголя.

— Ещё есть последний шанс передумать, — хрипло произносит он, проводя пальцем по щеке.

Я почти смеюсь над этим его пафосом. Этот шанс давно ушёл.

— Я хочу тебя.

Он замирает на секунду, а потом действует. Быстро разрывает упаковку презерватива и, бросив фольгу рядом на стол, раскатывает латекс по своей длине. Мгновение — и он резко оказывается внутри меня, лишая всех сомнений.

Когда он входит в меня, всё вокруг будто сжимается: воздух, время и я сама. Он прижимает меня к себе, но я, обняв его за плечи, чуть откидываюсь назад. Мы сливаемся в один единый хаос. Он держит меня за бедро, снова входя в меня, и губами ловит воздух.

Когда он двигается во мне, так глубоко и жёстко, я думаю о том, чтобы это никогда не заканчивалось — как бы глупо

это не звучало.

Я опускаюсь на сукно бильярдного стола, раздвигая ноги шире, желая почувствовать его всего.

Он замирает, погружённый в меня, когда берёт в руки кий. Мои глаза расширяются, потому что сделав один ленивый толчок бёдрами, наконечник кия упирается в мой живот в месте, где задрана юбка. Картер продолжает медленно толкаться в меня, пока ведёт кием выше, задирая мой лёгкий пуловер. Я без слов понимаю его и тяну за низ, стараясь избавиться от одежды как можно быстрее. Где-то в процессе ткань застревает в моих волосах, и я слышу смешок, пока пытаюсь бороться с дурацким вырезом, закрывающим мне обзор.

Непроизвольно стону, когда Микаэль наклоняется ко мне, тем самым меняя угол, и его руки помогают мне выбраться из свитера, откидывая его в сторону.

Его взгляд встречает мой, и я замечаю, что он ухмыляется, скользя глазами ниже. Мои руки тянутся за спину, расстёгивая кружевной топ, освобождая грудь.

Кий тут же поперёк упирается в мою грудь, а Мик отстраняется обратно, наращивая амплитуду.

Мы теряемся в наших телах, в ритме, в дыхании. Я стону, когда кий вдавливается мою грудь, пока Мик продолжает вколачиваться в меня, стараясь держать моё тело на месте. Это слишком хорошо, думаю я. Так не должно быть.

Звук шлепков его тела об моё сводит меня с ума — слиш-

ком откровенный, слишком пошлый, но такой приятный. Я, блять, скучала по этому.

Я цепляюсь за его плечи, и он опускается ко мне, прижимаясь своим лбом к моему, опуская кий. Его карие глаза снова неотрывно глядят в мои голубые, пока он входит в меня. Уже и не знаю, кто кого тянет к себе сильнее: он меня или я его.

— Микаэль, — шепчу я. Просто имя, но он рычит, яростнее сжимая моё тело.

Моё сердце чуть не останавливается. Я прикусываю нежную кожу у него на шее, не зная, куда девать это нарастающее, расплзающееся по всему телу чувство, и именно в этот момент он теряет контроль. Его движения становятся быстрее, жёстче, в каждом толчке появляется что-то настойчивое и отчаянное, необходимое нам обоим.

Только мы и этот ритм. Это ощущение, что я больше не принадлежу себе. Я чувствую, что растворяюсь, и мы рассыпаемся друг за другом в беззвучном крике, в огне, сжигающим всё до самых кончиков пальцев.

Он замирает, зажмурившись, уткнувшись лбом в мою шею, и я цепляюсь пальцами за его волосы, пока он тяжело дышит, всё ещё внутри меня. Его тяжёлое дыхание щекочет мою кожу, и я обнимаю его обеими руками, не желая отпустить. Не так быстро. От чего-то хочу запомнить этот момент.

На короткое мгновение, здесь, в запылённом зале с бильярдными столами, мне впервые хочется, чтобы это было

не просто так.

Но потом он выходит из меня и отступает на шаг назад.

— Ты как? — он тяжело дышит. — Нам лучше спуститься, пока нас не нашли.

Я киваю, прикусывая губу.

Хочу полежать на этом столе ещё минуту, но он прав — нужно собираться.

Я роюсь в сумочке, всё это время валяющейся на противоположном конце стола, окружённой бильярдными шарами. И пока тянусь к ней, звонкий шлепок оказывается на моей обнажённой ягодице.

— Какие планы на оставшийся вечер? — оборачиваюсь через плечо, пальцы замирают внутри сумки в поисках салфеток.

— Хочешь продолжения? — шепчет он с улыбкой и наклоняется через весь стол, чтобы укусить меня за ягодицу. Я невольно взвизгиваю, не ожидая этого, и приглушённо смеюсь. — Я весь твой, флаффи.

Кто бы знал, что это его «флаффи» позже разобьёт мне сердце.

Мы собираемся. Мик заканчивает первый и ждёт меня, пока я поправляю волосы в небольшом мутном зеркале у выхода. На щеках лёгкий румянец, который не скрыть, а на губах следы его поцелуев. Я будто искрюсь изнутри, но внешне стараюсь выглядеть менее отраханной.

Мик выводит меня из помещения, будто ничего не случи-

лось. Я слегка спотыкаюсь на первой же ступеньке, и он снова протягивает мне руку. Чёртов джентльмен.

Кто-то наверняка сказал бы, что я сошла с ума приглашать среди ночи незнакомца к себе. Я и правда не привыкла водить кого-то к себе. В мою комнату, в моё личное, маленькое пространство, где каждая вещь находится на том месте, где удобно мне, и всё здесь отражает меня больше, чем я готова показать.

Стоило мне нажать «отправить» сообщению с адресом, как паника поднимается во мне волной. Я хожу по комнате, собирая с пола учебники, запихиваю в шкаф свою пижаму и заправляю одеяло, хотя скоро кровать снова будет в беспорядке. Открываю окно, впуская свежий воздух и по пути чуть не спотыкаюсь об неровно стоящие ботинки. Мне даже кажется, что меня знобит, но я быстро отгоняю эту мысль.

Когда раздаётся тихий стук в дверь, во рту пересыхает. Я нервничаю, хоть и сама этого хотела.

Мик здесь, и он не просто входит в мою комнату, он врывается как ураган, заполняя всё пространство, захлопывая за собой дверь. Я даже не успеваю сделать шаг назад — он снова завладевает мной, снова целует, снова крепко прижимает к себе. Одна его ладонь на моей скуле, другая уже скользит под майку, словно он успел соскучиться. Он тянет меня ближе к себе, и я почти уверена, что он тоже может слышать, как громко стучит моё сердце.

Он целует меня. Его губы, дыхание, он сам заполняет всё пространство вокруг, и я почти не против. Я абсолютно добровольно тону в нём.

Его пальцы скользят по моей талии, и я замечаю, как он замедляется на секунду, будто снова рассматривает меня.

— Ты правда хотела, чтобы я пришёл? — шепчет он, проводя языком по моей ключице, и я едва сдерживаю стон. — Или это было ещё одно внезапное безумие?

— А если и то, и другое? — прижимаюсь к нему бёдрами.

— Тогда мне очень повезло с твоим безумием.

Он рычит. Больше нет смысла сдерживаться, мы одни. Чёрт, как же мне это нравится. Его страсть и интенсивность.

Мне хочется сказать ему, что он не привыкал к этому, но уже сейчас я знаю, что это я — девушка, которой не будет хватать его.

Он разворачивает меня и толкает к кровати позади, не грубо, но решительно. Я падаю на матрас, смеясь, но замираю, когда он стягивает с себя худи.

Наконец-то.

Я бы сравнила его тело с греческой статуей — и мне всё равно, какое это клише. В следующую секунду он уже голый нависает надо мной, в глазах поглощающая темнота.

Он снова накрывает мои губы, и я изо всех сил стараюсь заставить себя не привыкать к его поцелуям.

— Готова?

Я киваю. Не могу говорить, меня заливают дрожь: от слов,

от взгляда, от жара между ног.

Он стягивает с меня одежду быстро, уверенно, не отрывая взгляда, и когда входит в меня второй раз за эту ночь, то это не просто движение, это акт власти и одержимости. Мик действительно вколачивается, толчок за толчком, как будто пытается выбить из меня остатки здравого смысла.

Я цепляюсь за него ногами, руками, зубами, хватаюсь за плечи, за волосы и зову по имени.

— Громче, — шипит он, пальцы кружат вокруг моего клитора. — Я хочу, чтобы весь этот долбаный город знал, кто тебя так тра

Я кричу, потому что он попадает в мою чувствительную точку. Потому что я не могу больше держать себя.

Он знает это. И не останавливается.

Мик двигается с упрямой яростью, как будто через меня хочет доказать себе что-то. Или выжечь остатки того, что между нами ещё может быть мягким. У меня ощущение, что я знаю его дольше, чем пару часов.

С каждым толчком я тону глубже. Нет ни времени, ни пространства, только он и я, а ещё наша кожа, наши стоны и наш сбитый ритм дыхания.

Он крепко держит мои бёдра, оставляя вмятины от пальцев. Его губы у шеи, язык горячий, а голос срывается в глухое:

— Такая узкая, Лили, — он как будто сам в это не верит. — Такая чертовски идеальная.

Я отвечаю всхлипом и снова выгибаюсь под ним, позволяя себе всё. Он смотрит на меня, глаза острые, почти дикие. На секунду он замирает внутри, и я прикрываю веки, не в силах вынести его взгляд.

— Посмотри на меня, — требует он.

Я поднимаю взгляд. Не сразу, но поднимаю. И в тот момент, когда наши глаза встречаются, он толкается глубже и сильнее. Я вскрикиваю, громко, не сдерживаясь, мысленно прося прощения у всех соседей, пока он довольно улыбается.

— Вот так.

Он больше не целует. Не шепчет. Он забирает то, зачем пришёл. Когда я срываюсь, когда всё тело сжимается от оргазма, он продолжает, доводит себя до предела. Он двигается во мне с напором, почти болезненным, почти необходимым. Мои пальцы вцеплены в его плечи, ногти оставляют следы, но он будто не чувствует, или чувствует и подставляется намеренно.

А потом Мик резко замедляется, заставляя меня стонать от нехватки интенсивности и, склонившись к моей груди, он ловит сосок между зубов и оттягивает его, резко и жадно. Я вскрикиваю не от боли, а от шока, от волны неожиданного удовольствия. Он не отпускает сразу, всасывая его — и только потом освобождает изо рта, проводя языком по укушенной коже.

— О боже, — выдыхаю я, едва держась на грани.

— М-м-м, — только отвечает он, осматривая набухшую

грудь, довольный своей работой. И снова кусает кожу — выше, ближе к шее. Там, где точно останется след.

Я выгибаюсь, стон срывается с губ, сердце бьётся бешено. Ему этого мало. Он переходит ниже: живот, внутренняя часть бедра, места, где кожа чувствительная до мурашек. Его зубы, его язык, его дыхание — всё доводит меня до точки, за которой уже нет мыслей, только инстинкт.

Когда он входит снова, после всей этой пытки наслаждением, я будто разрываюсь между желанием раствориться в нём и желанием закричать, чтобы он остановился.

— Смотри, как ты дрожишь, — шепчет он, не глядя в глаза, — как будто это первый раз.

Хочу сказать, что да, может с ним это и правда как в первый, но в ответ лишь мычу, и он снова прикусывает мою ключицу. На этот раз глубже и сильнее.

Следы, что он оставляет, пульсируют так же, как его член внутри меня. Он помечает меня, даже если не собирается оставаться дольше, чем на одну ночь.

С коротким рычанием, прижавшись ко мне всем телом, он возобновляет прежний ритм. Следы, что он оставил на коже, пульсируют в такт нашему общему ритму.

Дыхание обрывается. Почему-то уверена, что нахожусь на грани потери сознания, ощущая дрожь и наш смешавшийся пот. Я стараюсь сопротивляться этому чувству, но внутри растёт та самая дрожь, которую невозможно спутать ни с чем. Я сильнее цепляюсь за него, будто боюсь упасть в ту

пропасть, что открывается под нами. Его имя снова срывается с губ, потому что сдерживаться уже нет сил.

Больше нет времени, нет города за стеной, есть только наше сбившееся дыхание и ощущения, которые становятся острее с каждой секундой.

Я не нахожу слов, только звук, рвущийся из груди, когда он замедляется, а затем снова усиливает темп, играя со мной. Его губы находят мою шею, оставляя ещё больше отметок — он продолжает помечает места. Но уже сейчас я знаю, что он вряд ли вернётся к этим местам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.